

Анна
АХМАТОВА

От царского и югенд-милитарного

Анна Андреевна Ахматова

От царскосельских лип: Поэзия и проза

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174576
От царскосельских лип: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-32024-0

Аннотация

Когда в начале века Марина Цветаева назвала Ахматову «Анной Всея Руси», даже самые благожелательные критики увидели в этом экзальтированное преувеличение. Но вот век кончился, и оказалось, что Цветаева не ошиблась: согласно опросу, проведенному Российским институтом социальных и национальных исследований, Анна Ахматова вошла в составленный мнением народным список самых выдающихся деятелей русской литературы XX века, в первую его десятку: вслед за Блоком и наряду с Есениным и Солженицыным.

Содержание

То пятое время года...	7
А ЮНОСТЬ БЫЛА КАК МОЛИТВА ВОСКРЕСНАЯ	8
Из первой тетради	15
Ночь моя – бред о тебе...	17
Забывтое четверостишие	18
Пестро вертится карусель...	19
Читая «Гамлета»	21
Из завещания Васильки	22
И когда друг друга проклинали...	23
То ли я с тобой осталась...	24
Сладок запах синих виноградин...	25
Пришли и сказали: «Умер твой брат»...	26
Жарко веет ветер душный...	28
Два стихотворения	29
Если в небе луна не бродит...	30
Жрицами божественной бессмыслицы...	33
Письма Анны Горенко к Сергею фон Штейну	34
Синий вечер. Ветры кротко стихли...	40
Я написала слова...	41
Весенним солнцем это утро пьяно...	42
На столике чай, печения сдобные...	43
Старый портрет	44
Он любил три вещи на свете...	47
Первое возвращение	50
...Хочешь знать, как все это было?...	51
Маскарад в парке	53
Сероглазый король	54
Сжала руки под темной вуалью...	55
Вечерняя комната	56
Алиса	57
Память о солнце в сердце слабеет...	59
Белой ночью	60
Как соломинкой, пьешь мою душу...	61
Мне больше ног моих не надо...	62
Дверь полуоткрыта...	63
Подражание И. Ф. Анненскому	64
По аллее проводят лошадок...	65
Я пришла сюда, бездельница...	66
Шелестит о прошлом старый дуб...	68
Надпись на неоконченном портрете	69
Снова со мной ты. О мальчик-игрушка...	70
А там мой мраморный двойник...	71
Я живу, как кукушка в часах...	72
Песенка	73
Я сошла с ума, о мальчик странный...	74
Сад	75

Туманом легким парк наполнился...	77
Над водой	78
Рыбак	79
Сердце к сердцу не приковано...	80
Высоко в небе облачко серело...	81
Я и плакала и каялась...	82
Мне с тобою пьяным весело...	87
В углу старик, похожий на барана...	88
В комнате моей живет красивая...	90
И там колеблется камыш...	91
В промежутки между грозами...	92
Березы [14]	93
Исповедь	94
Похороны	95
Смуглый отрок бродил по аллеям...	96
Муж хлестал меня узорчатым...	97
Под навесом темной риги жарко...	98
Песня последней встречи	99
Меня покинул в новолунье...	100
Музе	101
Любовь	102
Любовь покоряет обманно...	103
И мальчик, что играет на волынке...	104
Отрывок	105
И СЛАВА ЛЕБЕДЬЮ ПЛЫЛА	110
Ты письмо мое, милый, не комкай...	113
Бессонница	114
Безвольно пощады просят...	115
Ты поверь, не змеиное острое жало...	116
Твоя свирель над тихим миром пела...	117
Слаб голос мой, но воля не слабеет...	119
Я научилась просто, мудро жить...	120
Здесь все то же, то же, что и прежде...	121
Помолись о нищей, о потерянной...	122
Стал мне реже сниться, слава Богу...	123
Венеция	124
Потускнел на небе синий лак...	125
Загорелись иглы венчика...	126
Как вплелась в мои темные косы...	127
В ремешках пенал и книги были...	128
Протертый коврик под иконой...	129
Дал Ты мне молодость трудную...	130
Он длится без конца — янтарный, тяжкий день...	131
Все мы бражники здесь, блудницы...	132
Тамаре Платоновне Карсавиной	134
Как долог праздник новогодний...	135
Столько просьб у любимой всегда...	137
Смятение	138
Вижу выцветший флаг над таможней...	140

...И на ступеньки встретить...	141
Черная вилаь дорога...	142
Вечером	143
Я видел поле после града...	144
Прогулка	145
Ты пришел меня утешить, милый...	146
Голос памяти	147
Ничего не скажу, ничего не открою...	148
Покорно мне воображение...	151
Вечерние часы перед столом...	152
Мальчик сказал мне...	153
Здравствуй! Легкий шелест слышишь...	154
Знаю, знаю – снова лыжи...	155
Простишь ли мне эти ноябрьские дни...	156
У меня есть улыбка одна...	157
Со дня Купальницы-Аграфены...	158
8 ноября 1913	160
Плотно сомкнуты губы сухие...	161
Высокие своды костела...	162
Не будем пить из одного стакана...	165
За узором дымных стекол...	166
Ты знаешь, я томлюсь в неволе...	167
Вместо мудрости – опытность, пресное...	168
В то время я гостила на земле...	169
Настоящую нежность не спутаешь...	171
Я с тобой не стану пить вино...	172
И жар по вечерам, и утром вялость...	173
9 декабря 1913	174
Твой белый дом и тихий сад оставляю...	175
О, это был прохладный день...	176
Я так молилась...	177
Родилась я ни поздно, ни рано...	178
Проводила друга до передней...	179
Цветов и неживых вещей...	180
Каждый день по-новому тревожен...	181
Стихи о Петербурге	182
О тебе вспоминаю я редко...	184
Как страшно изменилось тело...	185
На шее мелких четок ряд...	186
ТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ СИЛУЭТ	188
Я пришла к поэту в гости...	192
Ты первый, ставший у источника...	194
О, нет! Не расколдуешь сердца ты...	196
И в Киевском храме Премудрости Бога...	198
Не чудо ли, что знали мы его...	201
Он прав – опять фонарь, аптека...	202
Пора забыть верблюжий этот гам...	203
И в памяти черной пошарив, найдешь...	204
На стене его твердый профиль...	205

ДУМАЛИ: НИЩИЕ МЫ...	206
Гость	207
Углем наметил на левом боку...	209
После ветра и мороза было...	210
Смеркается, и в небе темно-синем...	211
В последний раз мы встретились тогда...	212
Как ты можешь смотреть на Неву...	213
Разлука	214
Чернеет дорога приморского сада...	215
Конец ознакомительного фрагмента.	216

Анна Ахматова

От царскосельских лип

То пятое время года...

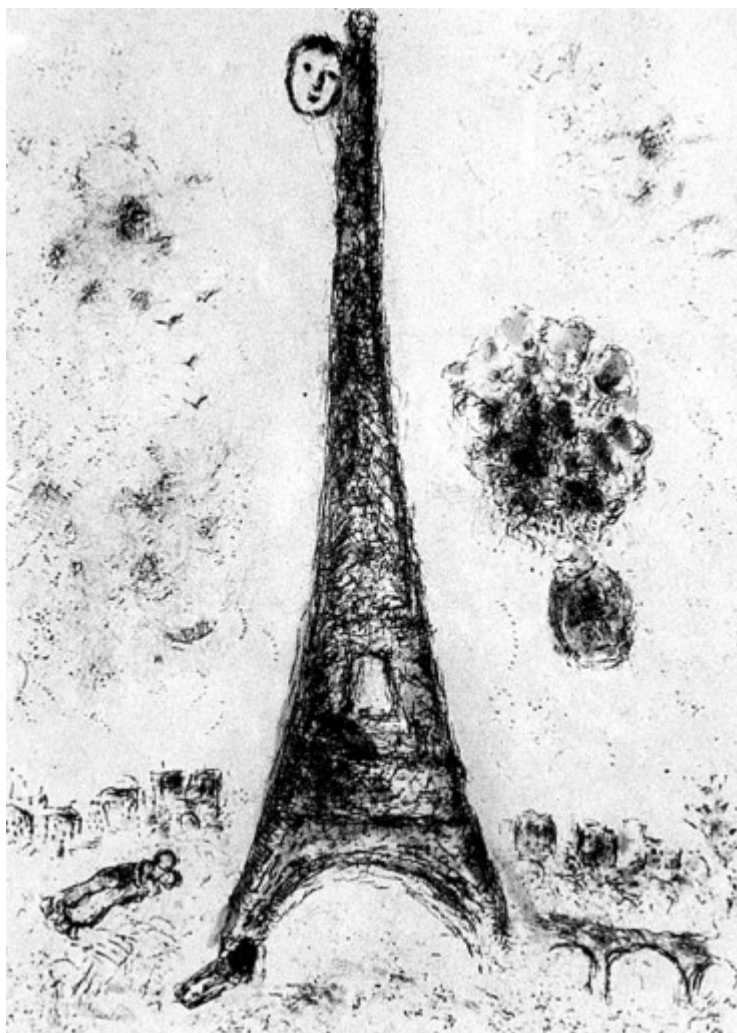
То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это – любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.

1913

Анна Ахматова, 1914 Рис. О. Делла-Вос-Кардовской.

А ЮНОСТЬ БЫЛА КАК МОЛИТВА ВОСКРЕСНАЯ

Марк Шагал. Эйфелева башня.

...Родилась я на даче Саракини (Большой Фонтан, 11-я станция паровичка) около Одессы. Морской берег там крутой, и рельсы паровичка шли по самому краю...

...В один год с Чарли Чаплином, «Крейцеровой сонатой» Толстого, Эйфелевой башней и, кажется, Элиотом. В это лето Париж праздновал столетие падения Бастилии – 1889. В ночь моего рождения справлялась и справляется древняя Иванова ночь – 23 июня (Midsummer Night). Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой.

...Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село.

Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал...

Анна Ахматова. Из «Автобиографической прозы»

Марк Шагал. Чарли Чаплин.

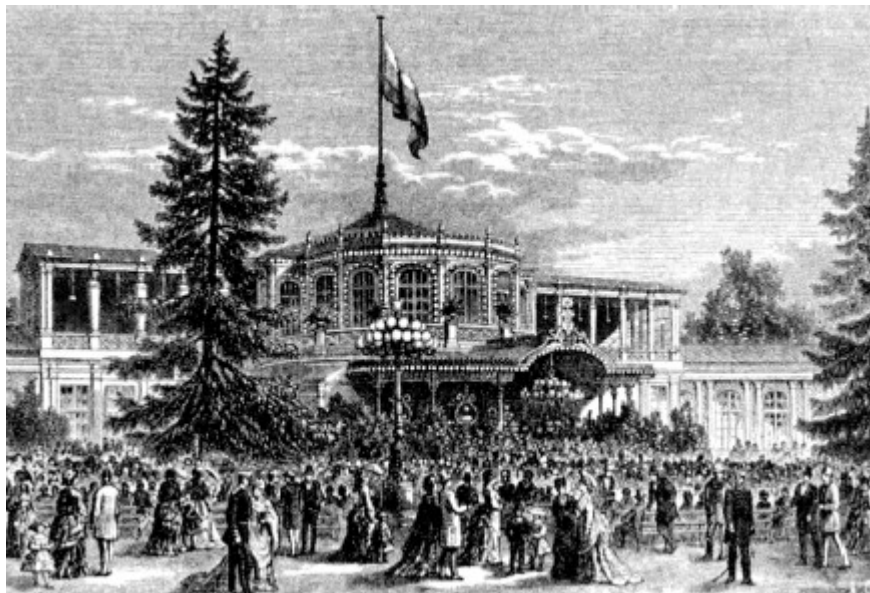

Аня Горенко. 1900 г. Севастополь.

* * *

В первый раз я стала писать свою биографию, когда мне было 11 лет, в разлинованной красным маминой книжке, для записывания хозяйственных расходов (1900 г.). Когда я показала свои записи старшим, они сказали, что я помню себя чуть ли не двухлетним ребенком...

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

Музыкальный вокзал в Павловске.

* * *

...Запахи Павловского вокзала. Обречена помнить их всю жизнь, как слепоглухонемая. Первый – дым от допотопного паровозика, который меня привез... парк, *salon de musique* (который называли «солёный мужик»), второй – натёртый паркет, потом что-то пахло из парикмахерской, третий – земляника в вокзальном магазине (павловская!), четвертый – резеда и розы (прохлада в духоте), свежих мокрых бутоньерок, которые продаются в цветочном киоске (налево), потом сигары и жирная пища из ресторана.

* * *

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже начала говорить по-французски...

* * *

Первое стихотворение я написала, когда мне было 11 лет (оно было чудовищным), но уже раньше отец называл меня почему-то «декадентской поэтессой»...

* * *

...Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфирородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Царское Село. Лицейский флигель.

* * *

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

Анна Ахматова. Из «Автобиографической прозы»

Брак родителей Анны Ахматовой Инны Эразмовны Стоговой и Андрея Антоновича Горенко не был счастливым. Андрей Антонович, красавец и бонвиван, жил в свое удовольствие, не считая, тратил женины, полученные в приданое деньги, не обделял вниманием ни одной хорошенькой молодой женщины. Инна Эразмовна, мучаясь равнодушием мужа и к ней, и к детям, жила как во сне. А дети один за другим заболевали туберкулезом. От злой чахотки угасла рано вышедшая замуж Инна (1886–1905). Ирина, по домашнему Рика, умерла ребенком, в 1896 году. Затем заболели и старший, Андрей, и Анна, и Ия. Анна выздоровела (Ахматова считала, что с туберкулезом ей помогла справиться увеличенная щитовидная железа), а Ия – умерла, на руках у матери, в Севастополе. Инна Эразмовна обезумела, сраженная горем и крайней степенью нищеты, ей не в чем было похоронить дочь, не было даже рубашки! В 1922-м она перебралась из Севастополя к своей старшей сестре Анне Вакар, под Киев; имение Вакаров было конфисковано, но крестьяне пожалели бедных господ и разрешили им жить в бывшей сторожке лесника. В 1927-м младший сын Виктор, в то время он жил на Дальнем Востоке, вызвал мать к себе.

Семья Горенко. И. Э. Горенко, А. А. Горенко, на руках – Рика, Инна, Анна, Андрей. Около 1894 г.

Инна Эразмовна Горенко, урожденная Стогова. Мать А. А. Ахматовой.

Анна Андреевна, хотя в семье ее считали отцовой дочкой (за высокий рост, осанку, не женский четкий ум), многое унаследовала и от матери: светлые глаза при темных, очень густых волосах и ресницах, непрактичность, а главное, доброту.

Эскиз к портрету молодой матери, видимо, накануне замужества, Анна Ахматова набросала в одной из «Северных элегий»:

И женщина с прозрачными глазами

(Такой глубокой синевы, что море
Нельзя не вспомнить, поглядевши в них),

...

С редчайшим именем и белой ручкой,
И добротой, которую в наследство
Я от нее как будто получила,
Ненужный дар моей жестокий жизни...

Семья Горенко. 1909 г. Слева направо: Анна, Андрей (брат), Инна Эразмовна (мать), Виктор (брат), Ия (сестра).

* * *

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу... Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году... Все это время (с довольно большими перерывами) я продолжала писать стихи, с неизвестной целью ставя над ними номера.

Я поступила на Юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна; когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

Анна Ахматова. Из «Автобиографической прозы»

Андрей Горенко (старший брат Ахматовой).

Анна с детства была очень дружна со старшим братом. Тут была не только родственная приязнь, но и глубокое духовное родство. Дружил с Андреем Андреевичем и Николаем Гумилев. По странному стечению обстоятельств, именно Николай Степанович сообщил Ахматовой о смерти любимого брата (Андрей Горенко покончил с собой в 1920 году, в Афинах, после того, как умер его единственный ребенок).

В молодости Анна Ахматова не любила ни вспоминать, ни рассказывать о своем отнюдь не розовом детстве. Не любила и ранних стихов, они казались ей чудовищными. Настолько чудовищными, что однажды она их сожгла, пощадив лишь несколько стихотворений, посвященных Николаю Гумилеву. Потом, правда, пожалела и попыталась восстановить по памяти сожженные строки.

Из первой тетради

Отрывок

Всю ночь не давали заснуть,
Говорили тревожно, звонко,
Кто-то ехал в далекий путь,
Увозил больного ребенка,
А мать в полутемных сенях
Ломала иссохшие пальцы
И долго искала впотьмах
Чистый чепчик и одеяльце ¹.

Анна Горенко – гимназистка. 1904 г. Царское Село.

---

¹ То, что любую нужную и повседневную вещь в их безалаберном доме искали долго и находили с трудом, Анна отметила с недетской зоркостью. Одна из приятельниц Андрея Антоновича Горенко свидетельствует: «Странная это была семья... Куча детей. Мать, богатая помещица, добрая, рассеянная до глупости, безалаберная, всегда думавшая о чем-то другом... В доме беспорядок. Едят когда придется, прислуги много, а порядка нет. Гувернантки делали, что хотят. Хозяйка бродит, как сомнамбула. Как-то, при переезде в другой дом, она долго носила в руках толстый пакет с процентными бумагами на несколько десятков тысяч рублей и в последнюю минуту нашла для него подходящее место – сунула пакет в детскую ванну, болтавшуюся позади воза. Когда муж узнал об этом, он помчался на извозчике догонять ломового. А жена с удивлением смотрела, чего он волнуется, да еще и сердится». Анна, в детстве сильно привязанная к отцу, в отрочестве была целиком на стороне матери.

* * *

...С Аней мы познакомились в Гунгербурге, довольно модном тогда курорте близ Нарвы. Аня была худенькой стриженной девочкой, ничем не примечательной, довольно тихонькой и замкнутой.

Дружба пришла позже, когда мы жили в одном и том же доме в Царском Селе, близ вокзала, на углу Широкой улицы и Безымянного переулка.

Аня писала стихи и очень изменилась внутренне и внешне. Стала стройной, с прелестной хрупкой фигурой, с черными, длинными и густыми волосами, прямыми, как водоросли, с большими светлыми глазами, странно выделявшимися на фоне черных волос и темных бровей и ресниц. Она была неутомимой скиталицей-пешеходом, лазала как кошка и плавала как рыба.

Из воспоминаний В. Срезневской, в девичестве Тюльпановой

Ночь моя – бред о тебе...

Ночь моя – бред о тебе,
День – равнодушное: пусть!
Я улыбнулась судьбе,
Мне посылающей грусть.

Тяжек вчерашний угар,
Скоро ли я догорю,
Кажется, этот пожар
Не превратится в зарю.

Долго ль мне биться в огне,
Дальнего тайно кляня?...
В страшной моей западне
Ты не увидишь меня.

*1909
Киев*

Забытое четверостишие

Глаза безумные твои
И ледяные речи,
И объяснение в любви
Еще до первой встречи.

1909(?)

Пестро вертится карусель...

Пестро вертится карусель,
И какие-то новые дети
Из еще не бывших столетий
Украшают в Сочельнике ель.

Из чернового варианта «Поэмы без героя»

* * *

С Колей Гумилевым Аня познакомилась в Сочельник... Мы вышли из дому, Аня и я с моим младшим братом, прикупить какие-то украшения для елки, которая всегда бывала у нас в первый день Рождества. Около Гостиного двора мы встретились с мальчиками Гумилевыми... Встретив их на улице, мы дальше пошли уже вместе, я с Митей, Аня с Колей за покупками.

Валерия Срезневская. «Дафнис и Хлоя»

Константин Сомов. Дафнис и Хлоя.

Валерия Срезневская, в ту пору еще Валечка Тюльпанова, видимо, была не совсем в курсе дела, утверждая, что *Коля* в тот Сочельник впервые увидел Аню Горенко. Судя по стихотворению Ахматовой, где она говорит об «*объяснении в любви еще до первой встречи*», Гумилев, гимназист 7-го класса, еще раньше обратил внимание на подругу Валечки – зеле-

ноглазую, черноволосую, сказочной гибкости и худобы грустную диловатую девочку – и, не зная ее имени, окрестил русалкой.

* * *

Встречу в Сочельник 1903 года никогда не забывал и Николай Гумилев, несмотря на все свои многочисленные любовные приключения. В плане книги о Николае Гумилеве, человеке и поэте, которую Ахматова не успела окончить, глава о начале их отношений обозначена так: «Дафнис и Хлоя (Царскосельская идиллия)».

Дафнис и Хлоя – образ из посвященного Ахматовой стихотворения Гумилева – «Современность» (1911 год):

Я закрыл «Илиаду» и сел у окна.
На губах трепетало последнее слово.
Что-то ярко светило – фонарь иль луна,
И медлительно двигалась тень часового.

Я так часто бросал испытующий взор
И так много встречал отвечающих взоров,
Одиссеев во мгле паровозных контор,
Агамемнонов между трактирных маркеров.

Так, в далекой Сибири, где плачет пурга,
Застывают в серебряных льдах мастодонты,
Их глухая тоска там колышет снега,
Красной кровью – ведь их – зажжены горизонты.

Я печален от книги, томлюсь от луны,
Может быть, мне совсем и не надо героя...
Вот идут по аллее, так странно нежны,
Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя.

Читая «Гамлета»

1

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»
Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, —
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч ².

*1909 (1945)
Киев*

2

И как будто по ошибке
Я сказала: «Ты...»
Озарила тень улыбки
Милые черты.
От подобных оговорок
Всякий вспыхнет взор...
Я люблю тебя, как сорок
Ласковых сестер.

*1909 (1945?)
Киев*

---

² Плафон знаменитого Одесского театра оперы и балета, восстановленного после пожара 1873 года, в ту пору, когда Анна Горенко приезжала в Одессу к родственникам, украшали четыре медальона работы венского художника Лефлера, исполненные на темы пьес Шекспира. Роспись, особенно сцены из «Гамлета» и «Двенадцатой ночи», поражала роскошной, прямо-таки королевской пышностью; в причудливом свете не менее роскошных люстр она и впрямь будто струилась с потолка «горностаевой мантией».

Из завещания Васильки

А княгиня моя, где захочет жить,
Пусть будет ей вольная воля,
А мне из могилы за тем не следить,
Из могилы средь чистого поля.
Я ей завещаю все серебро ³,
...

1909

---

³ После свадьбы Николай Гумилев, как и было обещано, дал жене личный вид на жительство, положил на ее имя в банк две тысячи рублей, а главное, подтвердил данное еще в 1909 году слово: Анна не должна чувствовать себя связанной узами брака и может распоряжаться своей судьбой по своей воле.

И когда друг друга проклинали...

И когда друг друга проклинали
В страсти, раскаленной добела,
Оба мы еще не понимали,
Как земля для двух людей мала,
И что память яростная мучит,
Пытка сильных – огненный недуг! —
И в ночи бездонной сердце учит
Спрашивать: о, где ушедший друг?
А когда, сквозь волны фимиама,
Хор гремит, ликуя и грозя,
Смотрят в душу строго и упрямо
Те же неизбежные глаза.

1909

То ли я с тобой осталась...

То ли я с тобой осталась,
То ли ты ушел со мной,
Но оно не состоялось,
Разлученье, ангел мой!
И не вздох печали томной,
Не затейливый укор,
Мне внушает ужас темный
Твой спокойный ясный взор.

1909

Сладок запах синих виноградин...

Сладок запах синих виноградин...
Дразнит опьяняющая даль.
Голос твой и глух и безотраден.
Никого мне, никого не жаль.

Между ягод сети-паутинки,
Гибких лоз стволы еще тонки,
Облака плывут, как льдинки,
льдинки
В ярких водах голубой реки.

Солнце в небе. Солнце ярко светит.
Уходи к волне про боль шептать.
О, она, наверное, ответит,
А быть может, будет целовать.

*16 января 1910
Киев*

Пришли и сказали: «Умер твой брат»...

*Н. С. Гумилеву
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom l'abome
Qui me servira de Tombeau.
Baudelaire ⁴.*

1

Пришли и сказали: «Умер твой брат» ⁵...
Не знаю, что это значит.
Как долго сегодня холодный закат
Над крестами лаврскими плачет.

И новое что-то в такой тишине
И недоброе проступает,
А то, что прежде пело во мне,
Томительно рыдает.

Брата из странствий вернуть могу,
Любимого брата найду я,
Я прошлое в доме моем берегу,
Над прошлым тайно колдую.
...

2

«Брат! Дождалась я светлого дня.
В каких скитался ты странах?»
«Сестра, отвернись, не смотри на
меня,
Эта грудь в кровавых ранах».

«Брат, эта грусть – как кинжал остра,
Отчего ты словно далеко?»
«Прости, о прости, моя сестра,

---

⁴ Я не заслужу той высшей чести Даровать мое имя той бездне, Которая послужит мне могилой. *Бодлер (фр.)*.

⁵ В стихах Анна Андреевна очень часто называла Николая Гумилева «братом».

Ты будешь всегда одинока».

25 января 1910

Киев

Жарко веет ветер душный...

Жарко веет ветер душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло;

Сухо пахнут иммортели
В разметавшейся косе.
На стволе корявой ели
Муравьиное шоссе.

Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?

*Январь 1910
Киев*

Два стихотворения

1

Подушка уже горяча
С обеих сторон.
Вот и вторая свеча
Гаснет, и крик ворон
Становится все слышней.
Я эту ночь не спала,
Поздно думать о сне...
Как нестерпимо бела
Штора на белом окне.
Здравствуй!

2

Тот же голос, тот же взгляд,
Те же волосы льняные.
Все как год тому назад.
Сквозь стекло лучи дневные
Известь белых стен пестрят...
Свежих лилий аромат
И слова твои простые.

*1909 или
весна 1910*

Если в небе луна не бродит...

Если в небе луна не бродит,
А стынет – ночи печать...
Мертвый мой муж приходит
Любовные письма читать.

В шкатулке резного дуба
Он помнит тайный замок,
Стучат по паркету грубо
Шаги закованных ног.

Сверяет часы свиданий
И подписей смутный узор.
Разве мало ему страданий,
Что вынес он до сих пор?

1910-е годы

А. Ахматова, 1910-е годы.

Николай Гумилев, 1910-е годы.

* * *

Бесконечное жениховство Николая Степановича и мои столь же бесконечные отказы, наконец, утомили даже мою кроткую маму и она сказала мне с упреком: «Невеста нелегкая», что показалось мне кощунством. Почти каждая наша встреча кончалась моим отказом выйти за него замуж.

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

Валерия Сергеевна Срезневская (Тюльпанова).

Жрицами божественной бессмыслицы...

В. Срезневской

Жрицами божественной бессмыслицы
Назвала нас дивная судьба,
Но я точно знаю – нам зачислятся
Бденья у позорного столба,
И свиданье с тем, кто издевается,
И любовь к тому, кто не позвал...
Посмотри туда – он начинается,
Наш кроваво-черный карнавал.

*1910-е годы
Царское Село*

Письма Анны Горенко к Сергею фон Штейну

1906–1910

В год своего замужества (апрель 1910), прощаясь со старой жизнью и уверив себя, что Гумилев – ее судьба, Анна уничтожила не только детские стихи, но и переписку. По чистой случайности сохранились десять писем к Сергею фон Штейну, мужу ее старшей, рано (в 1905 году) умершей сестры Инны. Если бы не эти полудетские письма, мы бы почти ничего и не узнали о необычайно важной в судьбе Анны поре: от лета 1905-го до весны 1910-го.

1

1906 г., Киев

Мой дорогой Сергей Владимирович,

Ваше письмо бесконечно обрадовало меня. Тем более что более одинокой, чем я, даже быть нельзя... Хорошие минуты бывают только тогда, когда все уходит ужинать в кабаки или едут в театр, и я слушаю тишину в темной гостиной. Ко мне здесь все очень хорошо относятся, но я их не люблю. Слишком мы разные люди. Я все молчу и плачу, плачу и молчу. Это, конечно, находят странным...

С августа месяца я день и ночь мечтала поехать на Рождество в Царское к Вале, хоть на три дня. Для этого я, собственного говоря, жила все это время...

И вот Андрей объяснил мне, что ехать невыносимо, и в голове такая холодная пустота...

У меня невроз сердца от волнений, вечных терзаний и слез. После Валиных писем я переносю такие припадки, что иногда кажется, что уже кончаюсь.

Может быть, глупо, что я вам это говорю, но хочется быть откровенной и не с кем...

Ваша Аня

2

1906 г., Киев

...Знаете, милый Сергей Владимирович, я не сплю уже четвертую ночь. Это ужас, такая бессонница.

Если бы Вы видели, какая я жалкая и ненужная. Главное, ненужная, никому, никогда. Умереть легко. Говорил Вам Андрей, как я в Евпатории вешалась на гвоздь и гвоздь выскочил из известковой стенки? Мама плакала, мне было стыдно – вообще, скверно.

Стихов не пишу. Стыдно. Да и зачем?

Ваша Аннушка

3

31 декабря 1906 г., Киев

...Все праздники провела у тети Вакар, которая меня не выносит. Все усиленно издевались надо мной, дядя умеет кричать, не хуже папы, а если закрыть глаза, то иллюзия полная. Кричал же он два раза в день: за обедом и после вечернего чая...

...Я буду на днях сниматься. Прислать Вам карточку?

Аня

P.S. Тысяча пожеланий на Новый Год.

4

Январь 1907 г., Киев

Милый Сергей Владимирович.

...Может быть, и Вы больны, что так упорно молчите. Я кончила жить, еще не начавшая. Это грустно, но это так. Где Ваши сестры? Верно, на курсах, о, как я им завидую. Уж, конечно, мне на курсах никогда не бывать, разве на кулинарных...

Я верю, что Вы хороший, настоящий друг, хотя Вы как никто знаете меня.

Ecrivez ⁶.

Аня

5

2 февраля 1907 г., Киев

Милый Сергей Владимирович... я решила сообщить Вам о событии, которое должно коренным образом изменить мою жизнь... Я выхожу замуж за друга моей юности Николая Степановича Гумилева. Он любит меня уже 3 года, и я верю, что моя судьба быть его женой. Люблю ли его, я не знаю, но кажется мне, что люблю. Помните у В. Брюсова:

Сораспята на муку,
Враг мой давний и сестра,
Дай мне руку! дай мне руку!
Меч взнесен. Спешу. Пора.

И я дала ему руку, а что было в моей душе, знает Бог...

Не говорите никому о нашем браке. Мы еще не решили, ни где, ни когда это произойдет. Это – тайна, я даже Вале ничего не писала.

Ваша Аня

P.S. Не издает ли А. Блок новые стихотворения – моя кузина его большая поклонница.

Нет ли у Вас чего-нибудь нового Н. С. Гумилева? Я совсем не знаю, что и как он теперь пишет, а спрашивать не хочу.

6

Февраль 1907 г., Киев

Мой дорогой Сергей Владимирович, я еще не получила ответа на мое письмо и уже снова пишу. Мой Коля собирается, кажется, приехать ко мне – я так безумно счастлива. Он пишет мне непонятные слова, и я хожу с письмом к знакомым и спрашиваю объяснение. Всякий раз, как приходит письмо из Парижа, его прячут от меня и передают с великими предосторожностями. Затем бывает нервный припадок, холодные компрессы и общее недомогание. Это от страстности моего характера, не иначе. Он так любит меня, что даже страшно. Как Вы думаете, что скажет папа, когда узнает о моем решении? Если он будет против моего брака, я убегу и тайно обвенчаюсь с Nicolas...

---

⁶ Пишите (фр.).

Скорее бы кончить гимназию и поехать к маме. Здесь душно!
Целую Вас, мой дорогой друг.
Аня

7

11 февраля 1907 г., Киев
Мой дорогой Сергей Владимирович...

Сегодня Наня ⁷ купила II-й сборник стихов Блока. Очень многие вещи поразительно напоминают В. Брюсова. Напр., стих «Незнакомка», стр. 21, но оно великолепно, это сплетение пошлой обыденности с дивным ярким видением. Под моим влиянием кузина выписывает «Весы», в этом году они очень интересны... Если бы Вы знали, мой дорогой Сергей Владимирович, как я Вам благодарна за то, что Вы ответили мне. Я совсем пала духом, не пишу Вале и жду каждую минуту приезда Nicolas. Вы ведь знаете, какой он безумный, вроде меня...

Аня

8

Киев, 13 марта 1907 г.

Мой дорогой Сергей Владимирович, я прочла Ваше письмо, и мне стало стыдно за свою одичалость. Только вчера я достала «Жизнь человека», остальных произведений, о которых Вы пишете, я совсем не знаю. Мне вдруг захотелось в Петербург, к жизни, к книгам. Но я вечная скиталица по чужим грубым и грязным городам, какими были Евпатория и Киев, будет Севастополь, я давно потеряла надежду. Живу отлетающей жизнью так тихо, тихо. Сестра вышивает ковер, а я читаю ей вслух французские романы или А. Блока. У нее к нему какая-то особенная нежность. Она прямо боготворит его и говорит, что у нее вторая половина его души...

...Мое стихотворение «На руке его много блестящих колец» напечатано во 2-м номере «Сириуса», может быть, в 3-м появится маленькое стихотворение, написанное мною уже в Евпатории. Но я послала его слишком поздно и сомневаюсь, чтобы оно было напечатано...

Зачем Гумилев взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастий наш Микола перенес, и все понапрасну. Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю, что нашло на Гумилева затмение от Господа. Бывает!

Пишите непременно.

Аннушка

9

1907, Севастополь

Дорогой Сергей Владимирович, хотя Вы прекратили со мной переписку весной этого года, у меня все-таки явилось желание поговорить с Вами.

Не знаю, слышали ли Вы о моей болезни, которая отняла у меня надежду на возможность счастливой жизни. Я болела легкими (это секрет), и, может быть, мне грозит туберкулез. Мне кажется, что я переживаю то же, что Инна, и теперь ясно понимаю состояние

---

⁷ Наня – кузина А. Ахматовой Мария Александровна Змунчилла-Горенко.

ее духа. Так как я скоро собираюсь покинуть Россию очень надолго, то решаюсь побеспокоить Вас просьбой прислать мне что-нибудь из Иннинных вещей на память о ней. Тетя Маша хотела бы передать мне дедушкин браслет, который был у Инны, и если Вы исполните ее просьбу, я буду Вам бесконечно благодарна. Но дело осложняется тем, что это вещь ценная, и я очень боюсь, как бы Вы не подумали, что я хочу иметь украшение, а не память. Вы так давно не видели меня, и Вам может показаться, что я пускаюсь на аферу. Прошу Вас, Сергей Владимирович, если у Вас явится такая мысль, не присылайте браслета или не отвечайте на это письмо, и тогда я его не хочу. Надеюсь, этого не будет, ведь когда-то мы были друзьями, и если Вы изменились ко мне, то я нисколько к Вам.

Не говорите, пожалуйста, никому о моей болезни. Даже дома – если это возможно. Андрей с 5 сентября в Париже, в Сорбонне⁸. Я болею, тоскую и хую. Был плеврит, бронхит и хронический катар легких. Теперь мучаюсь с горлом. Очень боюсь горловую чахотку. Она хуже легочной. Живем в крайней нужде. Приходится мыть полы, стирать.

Вот она, моя жизнь! Гимназию кончила очень хорошо. Доктор сказал, что курсы – смерть. Ну, и не иду – маму жаль.

Увидя меня, Вы бы, наверно, сказали: «Фуй, какой морд».

Sic transit gloria mundi!⁹

Прощайте! Увидимся ли мы?

Аннушка

Открытое письмо с почтовым штемпелем 29 X, 1910 г., Киев

На днях возвращаюсь в Царское. Напоминаю Вам Ваше обещание навестить меня... О дне сговоримся по телефону.

Жму Вашу руку.

Анна Гумилева

В письмах Анны Горенко к Сергею фон Штейну есть пробел: предпоследнее, из Севастополя, датировано 1907 годом, последнее, из Киева, октябрем 1910-го. Попробуем этот пробел заполнить.

Весной 1907-го Гумилев ненадолго, проездом из Парижа в Царское Село (он должен был пройти медицинскую комиссию на предмет освобождения от воинской повинности по причине врожденного астигматизма, заезжал в Киев.

Как видно из февральских за 1907 год писем к С. В. Штейну, Анна очень ждала этой встречи, уже решив, что выйдет замуж за друга своей юности: была даже готова тайно обвенчаться с ним, если родители будут против. Однако в последующие несколько месяцев в ее жизни что-то случилось. Впрочем, весной 1907-го отношений Хлоя и Дафнис, кажется, не выясняли, договорились, что встретятся осенью, в Крыму. Но и в Крыму они снова поссорились. Эта встреча у самого моря описана в стихотворении Гумилева «Отказ» (сентябрь 1907 года):

Царица иль, может быть, только печальный ребенок, —
Она наклонялась над сонно-вздыхающим морем,
И стан ее стройный и гибкий казался так тонок,
Он тайно стремился навстречу серебряным зорям.

---

⁸ Андрей Горенко, старший брат Анны, уехал в Париж по настоянию Николая Гумилева, который вот уже второй год жил во Франции, проходя самостоятельно, экстерном, университеты европейской культуры. В Париже можно было существовать на гроши и даже издавать журнал, что Николай Степанович и делал. В этом бесцензурном журнале с красивым именем «Сириус» были впервые напечатаны стихи Анны Горенко: «На руке моей много блестящих колец...».

⁹ Так проходит земная слава! (лат.).

Сбегающий сумрак. Какая-то крикнула птица,
И вот перед ней замелькали во влаге дельфины,
Чтоб плыть к бирюзовым владеньям влюбленного
принца,
Они предлагали свои глянцевитые спины.

Но голос хрустальный казался особенно звонок,
Когда он упрямо сказал роковое «не надо»...
Царица иль, может быть, только капризный ребенок,
Усталый ребенок с бессильною мукою взгляда.

*...Гумилев вернулся в Париж в расстроенных чувствах. Переписка тем не менее продолжалась: он снова и снова предлагал руку и сердце, она то нехотя соглашалась, то не очень решительно полуотказывала. Не выдержав неопределенности, Николай Степанович, втайне от родных, заняв деньги у ростовщиков, приехал в Россию и поставил вопрос ребром: или **да** или **нет**. Анна сказала: **нет!** А что другое она могла сказать теперь, когда наконец-то узнала, что такое любовь? Не страсть, не забава, не полувыдуманная влюбленность, а серьезная земная любовь? Много позже, уже после смерти Николая Степановича, она признается Павлу Лукницкому, юному филологу, собиравшему в 20-х годах материалы к биографии Николая Гумилева: «В течение своей жизни любила только один раз. Только один раз. Но как это было... В Херсонесе три года ждала от него письма. Три года каждый день, по жаре, за несколько верст ходила на почту, и письма так и не получила».*

Имени человека, от которого Анна Горенко так и не дождалась письма, мы не знаем. Возможно, оно было известно Валерии Тюльпановой, а также Гумилеву. Уже после развода Николай Степанович, несмотря на всю свою гордость, все-таки спросил Анну Андреевну об этом, и она, как свидетельствует Павел Лукницкий, честно и прямо ответила на вопрос. Но тягостное объяснение произошло, напоминая, лишь в 1918-м, а в 1908-м Гумилев только терялся в догадках и какое-то время ревновал свою «русалку» не столько к конкретному мужчине, сколько к ее мечте о «влюбленном принце».

И все-таки Гумилев добился – если не сердца, то руки девушки своей мечты. 25 апреля 1910 года Анна Горенко и Николай Гумилев, после семи лет «жениховства», обвенчались. Венчание состоялось в Николаевской церкви села Никольская слободка, в окрестностях Киева. Место было выбрано женихом не случайно. Николай Марликийский считался святым покровителем Николая Степановича, и жених, видимо, втайне, не признаваясь себе, надеялся на помощь своего заступника. Понравилась церковь и невесте. Маленькая, бедная, однако нарядная, вся в крестьянских вышивках и сухих цветиках.

Апрельские события 1910 года отражены в четырех стихотворениях Ахматовой, посвященных «свахе» – двоюродной сестре Марии Александровне Змунчила: «Синий вечер. Ветры кротко стихли...», «На столике чай, печения сдобные...», «Весенним солнцем это утро пьяно...», «Я написала слова...». Мария, Наничка, хорошо относилась к Гумилеву и сделала все возможное и невозможное, чтобы венчание состоялось. Написаны они, правда, осенью, частью в Царском Селе, частью в Киеве, однако повествуют о весне, когда первые розы уже распустились, но дерн так свеж, что кажется изумрудным, о милой домашней суете, хлопотах, связанных с приездом и приемом жениха, которого невеста встречает с охапкой белых левкоев, рассматриванием старинных альбомов, ожиданием целого букета роз, которые вот-вот принесут из оранжереи. Ахматова вообще любила писать о собы-

тиях, превращенных в воспоминания. Стирались случайные черты, а неслучайное приобрело точность, не утрачивая яркой сочности.

Синий вечер. Ветры кротко стихли...

Синий вечер. Ветры кротко стихли,
Яркий свет зовет меня домой.
Я гадаю: кто там? – не жених ли,
Не жених ли это мой?...

На террасе силуэт знакомый,
Еле слышен тихий разговор.
О, такой пленительной истомы
Я не знала до сих пор.

Тополя тревожно прошуршали,
Нежные их посетили сны.
Небо цвета вороненой стали,
Звезды матово-бледны.

Я несу букет левкоев белых.
Для того в них тайный скрыт огонь,
Кто, беря цветы из рук несмелых,
Тронет теплую ладонь.

*Сентябрь 1910
Царское Село*

Я написала слова...

Я написала слова,
Что долго сказать не смела.
Тупо болит голова,
Странно немеет тело.

Смолк отдаленный рожок,
В сердце все те же загадки,
Легкий осенний снежок
Лег на крокетной площадке.

Листьям последним шуршать!
Мыслям последним томиться!
Я не хотела мешать
Тому, кто привык веселиться.

Милым простила губам
Я их жестокую шутку...
О, вы придете к нам
Завтра по первопутку.

Свечи в гостиной зажгут,
Днем их мерцанье нежнее,
Целый букет принесут
Роз из оранжереи.

*Октябрь 1910
Царское Село*

Весенним солнцем это утро пьяно...

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.

Дорогу вижу до ворот, и тумбы
Белеют четко в изумрудном дерне,
О, сердце любит сладостно и слепо!
И радуют изысканные клумбы,
И резкий крик вороны в небе черной,
И в глубине аллеи арка склепа.

*2 ноября 1910
Киев*

На столике чай, печения сдобные...

На столике чай, печения сдобные,
В серебряной вазочке драже.
Подобрала ноги, села удобнее,
Равнодушно спросила: «Уже?»
Протянула руку. Мои губы дотронулись
До холодных гладких колец.
О будущей встрече мы не условились.
Я знал, что это конец.

9 ноября 1910

Киев

С теми же предсвадебными днями связано и стихотворение «Старый портрет», подаренное Анной художнице Александре Александровне Экстер, приятельнице Гумилева и хорошей знакомой М. А. Змунчила.

Старый портрет

А. А. Экстер

Сжала тебя золотистым овалом
Узкая, старая рама.
Негр за тобой с голубым опахалом,
Стройная белая дама.

Тонки по-девичьи нежные плечи,
Смотришь надменно-упрямо;
Тускло мерцают высокие свечи,
Словно в преддверии храма.

Возле на бронзовом столике цитра,
Роза в граненом бокале...
В чьих-это пальцах дрожала палитра,
В этом торжественном зале?

И для кого эти жуткие губы
Стали смертельной отравой?
Негр за тобою, нарядный и грубый,
Смотрит лукаво.

Осень 1910

Киев

Старый портрет – это как бы старинное парадное зеркало, в котором в полный рост отразилась замужняя Анна, вчера еще «дикая девочка», а сегодня «стройная дама» в белом венчальном платье. Наничка и Александра Экстер позаботились и о туалетах новобрачной, чтоб и по моде, и к лицу, ведь жених вместо свадебного подарка преподнес своей «Аннушке» путешествие в Париж. Подарок кажется очень уже нерасчетливым, но на самом-то деле в те времена комната и еда во Франции, и даже в Париже, были чуть ли не вдвое дешевле, чем в России: предвоенный Петербург был самым дорогим городом в Европе.

Парижское кафе. 1910-е годы.

...И мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдисона, показал мне в *Taverne de Pantheon* два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут – большевики, а там – меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (*jupes-culottes*), то почти пеленали ноги (*jupes-entravees*). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Анна Ахматова. «Коротко о себе»

...На север я вернулась в июне 1910 года. Царское после Парижа показалось мне совсем мертвым. В этом нет ничего удивительного. Но куда за пять лет провалилась моя царскосельская жизнь? Не застала там я ни одной моей соученицы по гимназии и не переступила порог ни одного царскосельского дома. Началась новая петербургская жизнь.

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева...

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

Анна Ахматова. «Коротко о себе»

Верстку «Кипарисового ларца» принес Anne Гумилев. Перед самым отъездом в Африку. Он стал готовиться к очередному путешествию, едва вернувшись из Франции и, еле дождавшись осени (1 сентября 1910), укатил в Абиссинию. В конце ноября добрался до Аддис-Абебы, там и встретил 1911 год, так что в свой первый замужний год Анна осталась «соломенной вдовушкой».

Николай Степанович перед венчанием предупредил невесту, что сидеть у камина и смотреть с тоской, как печально камин догорает, не намерен, и она от чистого сердца пообещала, что будет отпускать его и в Африку и хоть на край света, как только он того захочет. Но вот того, что ее пленник захочет воли так скоро, всего через несколько месяцев после свадьбы, конечно же, и допустить не могла. Больше того, Николай Степанович, так долго добивавшийся от нее согласия именно на брак, иных отношений он и в мыслях не допускал, оказался совершенно непригодным к семейной жизни. Вскоре после его отъезда в Африку «полуброшенная новобрачная» написала такие стихи:

Он любил три вещи на свете...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

9 ноября 1910

Киев

Видимо, вскоре после отъезда Гумилева, как шло из мешка, вылезла и еще одна неприятная новость. Уже летом, в Слепневе, Анна Андреевна с некоторым удивлением наблюдала за открытыми ухаживаниями мужа за молоденькой кузиной, точнее, двоюродной племянницей Машенькой Кузьминой-Караваевой, которую Гумилев знал с детства. Машенька за годы, проведенные Николаем Степановичем за границей, превратилась в настоящую русскую красавицу, светловолосую, с чудесным цветом лица. Но особенного значения им не придавала, решив, видимо, что Коля просто разыгрывает роль влюбленного, чтобы отвлечь девушку от мрачных мыслей: у Машеньки, несмотря на цветущий внешний вид, была чахотка (она скончалась в самом начале 1912 года в Италии). Однако домашняя служба новостей довела до сведения снохи, что ее муж влюблен в прелестную барышню Кузьмину-Караваеву всерьез. Коротая соломенное вдовство, Анна Андреевна старалась как можно меньше бывать дома. То уезжала к родным в Киев, то в гости к отцу в Петербург, после замужества их отношения как-то незаметно потеплели; отец старел, старела и его «адмиральша» и уже не вызвала в Анне мучительной неприязни. Возвращалась поздно и одна. Вокзал и царскосельский поезд был своеобразным клубом знакомств.

Г. Чулков.

Завелись интересные знакомства и у Анны Гумилевой: в поезде соломенная вдовушка однажды разговорилась с Николаем Пуниным, через десять лет она станет его гражданской женой, и брак этот окажется самым длительным из ее замужеств; на вокзале, опоздав на поезд, прочтет Георгию Чулкову свои первые настоящие стихи. В ту же зиму в том же поезде приворожит и Николая Недоброво, через четыре года Николай Владимирович напишет о поэзии Ахматовой первую серьезную критическую статью.

Словом, жизнь все-таки делала пусть и маленькие, но приятные подарки. Но лучшие ей не становилось. Анна чувствовала себя не только полуброшенной, но растерянной. Вот какой запомнил ее Георгий Иванович Чулков: «Однажды на вернисаже выставки «Мира Искусства» я заметил высокую стройную сероглазую женщину, окруженную сотрудниками «Аполлона». Меня познакомили. Через несколько дней был вечер Федора Сологуба. Часов в одиннадцать я вышел из Тенешевского зала. Моросил дождь. И характернейший петербургский вечер окутал город своим синеватым волшебным сумраком. У подъезда я встретил опять сероглазую молодую даму. В петербургском вечернем тумане она похожа была на большую птицу, которая привыкла летать высоко, а теперь влачит по земле раненое крыло».

В тот же вечер, продолжает Г. Чулков, он и Ахматова, возвращаясь в Царское Село, опоздали на поезд и, чтобы скоротать время, сели на вокзале за столик:

«Среди беседы моя новая знакомая сказала, между прочим:

– А вы знаете, что я пишу стихи?

Полагая, что это одна из многих тогдашних поэтесс, я рассеянно и равнодушно попросил ее прочесть что-нибудь. Она стала читать стихи, какие потом вошли в ее первую книжку «Вечер».

Первые же строфы, услышанные мною из ее уст, заставили меня насторожиться.

– Еще!.. Еще!.. Читайте еще, – бормотал я, наслаждаясь новою своеобразною мелодией, тонким и острым благоуханием живых стихов... Вскоре мне пришлось уехать в Париж на несколько месяцев. Там, в Париже, я опять встретил Ахматову. Это был 1911 год».

Анна Ахматова. 1910-е годы

Вернувшись насовсем в родное Царское Село, Анна Андреевна писала о том, о чем не умела написать, когда жила здесь до семейной катастрофы: об игрушечных лошадках, о мраморных красавицах в царскосельских парках, о лицеисте Пушкине... Словно переиначивала совсем не розовое свое детство, грубо исковерканное «изменой» отца и смертью старшей сестры Инны. Словно спасалась от трудной своей юности с тяжелой, безответной любовью. Словно пряталась от мыслей о том, что ничем не может помочь матери, у которой на руках двое малышей. Даже став замужней дамой, не может: Николай Степанович практически ничего не зарабатывал, а тратил (на африканские путешествия и издания стихотворных сборников за свой счет) куда больше того, что Анна Ивановна Гумилева могла выкроить для любимого сына из семейного бюджета.

Первое возвращение

На землю саван тягостный возложен,
Торжественно гудят колокола,
И снова дух смятен и потревожен
Истомной скукой Царского Села.
Прошло пять лет. Здесь все мертво и немо,
Как будто мира наступил конец.
Как навсегда исчерпанная тема,
В смертельном сне покоится дворец.

*Осень 1910
Царское Село*

...Хочешь знать, как все это было?...

...Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И прощаясь, держась за перила,

Она словно с трудом говорила:
«Это все, ах нет, я забыла,
Я люблю Вас, я Вас любила
Еще тогда!»
«Да?!»

*29 октября
1910 Киев*

Рисунок А. Кумировой «Анна Ахматова и ее стихи». (Из собрания И. Бёрлина)

К. Сомов. Фрагмент обложки книги «Театр».

Маскарад в парке

Луна освещает карнизы,
Блуждает по гребням реки...
Холодные руки маркизы
Так ароматно-легки.

«О принц! – улыбаясь присела. —
В кадрили вы наш vis-a-vis ¹⁰», —
И томно под маской бледнела
От жгучих предчувствий любви.

Вход скрыл серебрящийся тополь
И низко спадающий хмель.
«Багдад или Константинополь
Я вам завоюю, ma belle! ¹¹»

«Как вы улыбаетесь редко,
Вас страшно, маркиза, обнять!»

Темно и прохладно в беседке.
«Ну что же! пойдём танцевать?»

Выходят. На вязах, на кленах
Цветные дрожат фонари,
Две дамы в одеждах зеленых
С монахами держат пари.

И бледный, с букетом азалий,
Их смехом встречает Пьеро:
«Мой принц! О, не вы ли сломали
На шляпе маркизы перо?»

6 ноября 1910
Киев

---

¹⁰ Визави (фр.). – Ред.

¹¹ Моя красавица! (фр.). – Ред.

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно
сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

*11 декабря 1910
Царское Село*

Сжала руки под темной вуалью...

Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»...
– Оттого что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот,
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

*8 января 1911
Киев*

Вечерняя комната

Я говорю сейчас словами теми,
Что только раз рождаются в душе.
Жужжит пчела на белой хризантеме,
Так душно пахнет старое саше.

И комната, где окна слишком узки,
Хранит любовь и помнит старину,
А над кроватью надпись по-французски
Гласит: «Seigneur, ayez pitié de nous»¹².

Ты сказки давней горестных заметок,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящих севрских статуэток
Померкли глянцевитые плащи.

Последний луч, и желтый и тяжелый,
Застыл в букете ярких георгин,
И, как во сне, я слышу звук виолы
И редкие аккорды клавесин.

*21 января 1911
Киев*

---

¹² «Господь, смилуйся над нами» (фр.). – Ред.

Алиса

1

Всё тоскует о забытом,
О своем весеннем сне,
Как Пьеретта о разбитом
Золотистом кувшине...

Все осколочки собрала,
Не умела их сложить...
«Если б ты, Алиса, знала,
Как мне скучно, скучно жить!

Я за ужином зеваю,
Забываю есть и пить,
Ты поверишь, забываю
Даже брови подводить.

О Алиса! дай мне средство,
Чтоб вернуть его опять;
Хочешь, все мое наследство,
Дом и платья можешь взять.

Он приснился мне в короне,
Я боюсь моих ночей!»
У Алисы в медальоне
Темный локон – знаешь чей?!

*22 января 1911
Киев*

2

«Как поздно! Устала, зеваю...»
«Миньона, спокойно лежи,
Я рыжий парик завиваю
Для стройной моей госпожи.

Он будет весь в лентах зеленых,
А сбоку жемчужный аграф;
Читала записку: «У клена
Я жду вас, таинственный граф!»

Сумеет под кружевом маски
Лукавая смех заглушить,
Велела мне даже подвязки
Сегодня она надушить».

Луч утра на черное платье
Скользнул, из окошка упав...
«Он мне открывает объятья
Под кленом, таинственный граф».

23 января 1911
Киев

Память о солнце в сердце слабеет...

Память о солнце в сердце слабеет.
Желтей трава.
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах вода не струится.
Стынет вода.
Здесь никогда ничего не случится, —
О, никогда!

Ива на небе пустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет,
Что это? Тьма?
Может быть!.. За ночь прийти успеет
Зима.

*30 января 1911
Киев*

Белой ночью

Ах, дверь не запирала я,
Не зажигала свеч,
Не знаешь, как, усталая,
Я не решалась лечь.

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

И знать, что все потеряно,
Что жизнь – проклятый ад!
О, я была уверена,
Что ты придешь назад.

*6 февраля 1911
Царское Село*

Как соломинкой, пьешь мою душу...

Как соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкус ее горек и хмелен,
Но я пытку мольбой не нарушу,
О, покой мой многонеделен.

Когда кончишь, скажи. Не печально,
Что души моей нет на свете,
Я пойду дорогой недалней
Посмотреть, как играют дети.

На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.

Как светло здесь и как бесприютно,
Отдыхает усталое тело...
А прохожие думают смутно:
Верно, только вчера овдовела.

*10 февраля 1911
Царское Село*

Мне больше ног моих не надо...

Мне больше ног моих не надо,
Пусть превратятся в рыбий хвост!
Плыву, и радостна прохлада,
Белеет тускло дальний мост.

Не надо мне души покорной,
Пусть станет дымом, легок дым,
Взлетев над набережной пеной,
Он будет нежно-голубым.

Смотри, как глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьих я слов не повторяю
И не пленюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальний, неужели
Стал бледен и печально-нем?
Что слышу? Целых три недели
Все шепчешь: «Бедная, зачем?!»

*12 февраля 1911
Царское Село*

Дверь полуоткрыта...

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

*17 февраля 1911
Царское Село*

Подражание И. Ф. Анненскому

И с тобой, моей первой причудой,
Я простился. Чернела вода.
Просто молвила: «Я не забуду».
Я так странно поверил тогда.

Возникают, стираются лица,
Мил сегодня, а завтра далек.
Отчего же на этой странице
Я когда-то загнул уголок?

И всегда открывается книга
В том же месте. Не знаю зачем?
Я люблю только радости мига
И цветы голубых хризантем.

О, сказавший, что сердце из камня,
Знал наверно: оно из огня...
Никогда не пойму, ты близка мне
Или только любила меня.

20 февраля 1911

По аллее проводят лошадок...

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечкой стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

*22 февраля 1911
Царское Село*

Я пришла сюда, бездельница...

Я пришла сюда, бездельница,
Все равно мне, где скучать!
На пригорке дремлет мельница.
Годы можно здесь молчать.

Над засохшей повиликою
Мягко плавает пчела;
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиной
Пруд широкий, обмелел,
Над трепещущей осиною
Легкий месяц заблестел.

Замечаю все как новое.
Влажно пахнут тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, земля.

*23 февраля 1911
Царское Село*

Две мои фотографии в Царскосельском парке (зимняя и летняя) в 20-х годах сняты на той скамейке, где Николай Степанович впервые сказал мне, что любит меня (февраль...).

А. Ахматова на «гумилевской» скамье. Царское Село. 1926 г. Фотография Н. Пунина.

Шелестит о прошлом старый дуб...

Шелестит о прошлом старый дуб ¹³.
Лунный луч лениво протянулся.
Я твоих благословенных губ
Никогда мечтою не коснулся.

Бледный лоб чадрой лиловой сжат.
Ты со мною. Тихая, больная.
Пальцы холодеют и дрожат.
Тонкость рук твоих припоминая.

Я молчал так много тяжких лет.
Пытка встреч еще неотвратима.
Как давно я знаю твой ответ:
Я люблю и не была любима.

Февраль 1911

---

¹³ Впервые Гумилев сделал предложение Ане Горенко весной 1905 года, накануне ее отъезда из Царского Села в Крым. И она ему отказала. Объяснились они в парке, под старым дубом. Этот эпизод описан, как бы от лица Коли, в стихотворении «Шелестит о прошлом старый дуб...».

Надпись на неоконченном портрете

О, не вздыхайте обо мне,
Печаль преступна и напрасна.
Я здесь, на сером полотне,
Возникла странно и неясно.

Взлетевших рук излом больной,
В глазах улыбка исступленья.
Я не могла бы стать иной
Пред горьким часом наслажденья.

Он так хотел, он так велел
Словами мертвыми и злыми.
Мой рот тревожно заалел,
И щеки стали снеговыми.

И нет греха в его вине,
Ушел, глядит в глаза другие,
Но ничего не снится мне
В моей предсмертной летаргии.

Февраль 1911

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка...

Снова со мной ты. О мальчик-игрушка!
Буду ли нежной опять, как сестра?
В старых часах притаилась кукушка.
Выглянет скоро. И скажет: «Пора».

Чутко внимаю безумным рассказам.
Не научился ты только молчать.
Знаю, таким вот, как ты, сероглазым
Весело жить и легко умирать.

*Март 1911
Царское Село*

А там мой мраморный двойник...

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,
Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморную стану.

Первая половина 1911

Я живу, как кукушка в часах...

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут – и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

7 марта 1911

Песенка

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду пою.

Вырываю и бросаю —
(Пусть простит меня),
Вижу, девочка босая
Плачет у плетня.

Страшно мне от звонких воплей
Голоса беды,
Все сильнее запах теплый
Мертвой лебеды.

Будет камень вместо хлеба
Мне наградой злой.
Надо мною только небо,
А со мною голос твой.

11 марта 1911

Я сошла с ума, о мальчик странный...

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала
Был острее веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

*18–19 марта 1911
Царское Село*

Сад

Он весь сверкает и хрустит,
Обледенелый сад.
Ушедший от меня грустит,
Но нет пути назад.

И солнце, бледный тусклый лик —
Лишь круглое окно;
Я тайно знаю, чей двойник
Приник к нему давно.

Здесь мой покой на веки взят
Предчувствием беды,
Сквозь тонкий лед еще сквозят
Вчерашние следы.

Склонился тусклый мертвый лик
К немому сну полей,
И замирает острый крик
Отсталых журавлей.

1911
Царское Село

На переднем плане Вера Константиновна Шварсалон, дочь Лидии Зиновьевой-Аннибал, и падчерица Вяч. Иванова.

Туманом легким парк наполнился...

Вере Ивановой-Шварсалон

Туманом легким парк наполнился,
И вспыхнул на воротах газ,
Мне только взгляд один запомнился
Незнающих, спокойных глаз.

Твоя печаль, для всех неаяная,
Мне сразу сделалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мне тоска.

Я этот день люблю и праздную,
Приду, как только позовешь,
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

Апрель 1911

Корней Чуковский, впервые увидевший Анну Ахматову на литературном вечере в доме поэта Вяч. Иванова в 1911 году, запомнил ее робкой и застенчивой девочкой, ни на шаг не отходившей от своего мужа. Напряженно и застенчиво держалась в этой самоуверенной компании и падчерица хозяина Вера, очень молчаливая светловолосая девушка с античным профилем. Видимо, Анна Андреевна почувствовала именно в ней «родную душу». Вскоре после скоропостижной смерти жены Вяч. Иванов внезапно женился на своей падчерице и, дабы избежать сплетен, уехал с семьей в Рим: Вера была беременна. Одна из поклонниц поэта, навестив Ивановых в Италии, прозрев, разглядела в молодой жене своего кумира совсем не знакомую ей Веру: «В житейских делах она, трезвая, крепко стоящая на земле, восхищала и подчиняла его, такого неумелого в жизни», хотя «как и прежде, молча и благоговейно слушала его вдохновенные речи».

Евгения Герцык. «Воспоминания»

Над водой

Стройный мальчик пастушок,
Видишь, я в бреду.
Помню плащ и посошок
На свою беду.
Если встану – упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

Мы прощались, как во сне,
Я сказала: «Жду».
Он, смеясь, ответил мне:
«Встретимся в аду».
Если встану – упаду.
Дудочка поет: ду-ду!

О глубокая вода
В мельничном пруду,
Не от горя, от стыда
Я к тебе приду.
И без крика упаду,
А вдали звучит: ду-ду.

Апрель 1911

Рыбак

Руки голы выше локтя,
А глаза синей, чем лед.
Едкий, душный запах дегтя,
Как загар, тебе идет.

И всегда, всегда распахнут
Ворот куртки голубой,
И рыбачки только ахнут,
Закрасневшись пред тобой.

Даже девочка, что ходит
В город продавать камсу,
Как потерянная бродит
Вечерами на мысу.

Щеки бледны, руки слабы,
Истомленный взор глубок,
Ноги ей щекочат крабы,
Выползая на песок.

Но она уже не ловит
Их привычною рукой,
Все сильнее биенье крови
В теле, раненном тоской.

22 апреля 1911

Сердце к сердцу не приковано...

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь – уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуясь,
Мне счастливой не бывать!
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придет поцеловать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белою зимой...
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой.

Весна 1911

Высоко в небе облачко серело...

Высоко в небе облачко серело,
Как беличья расстеленная шкурка,
Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.
О как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру с последней белой вьюгой,
О нем гадала я в канун Крещенья.
Я в январе была его подругой.

*Весна 1911
Царское Село*

Я и плакала и каялась...

Я и плакала и каялась,
Хоть бы с неба грянул гром!
Сердце темное измаялось
В нежилом дому твоём,
Боль я знаю нестерпимую,
Стыд обратного пути...
Страшно, страшно к нелюбимому,
Страшно к тихому войти.
А склонюсь к нему нарядная,
Ожерельями звеня, —
Только спросит: «Ненаглядная!
Где молилась за меня?»

Весна 1911

В марте 1911 года Гумилев вернулся из Африки, на два месяца раньше, чем предполагал: он подхватил тяжёлую тропическую лихорадку.

Анна Андреевна сразу же попробовала выяснить, что в семейных сплетнях о его романе с девицей Кузьминой-Караваевой правда, а что наговор. Но Гумилев ни выяснения отношений, ни женских истерик терпеть не мог. Разговор не состоялся. Кончилось первой крупной размолвкой: Анна Андреевна укатила в Париж, а Николай Степанович, посадив жену в поезд, — в Слепнево, развлекать тамошнюю молодежь.

* * *

Весну 1911 года провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуа, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

Анна Ахматова. «Коротко о себе»

Похожим на сновидение, которое помнишь всю жизнь, оказалось, как выяснилось с годами, и ее мимолетное увлечение художником Амедео Модильяни, в ту пору еще совсем не знаменитым.

* * *

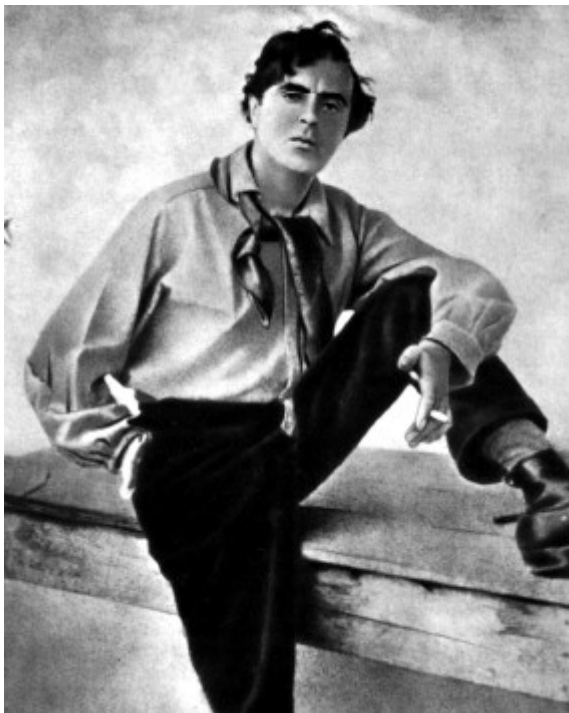
Я впервые встретилась с Ахматовой в Париже в 1911 году... Ахматова была тогда очень молода... очень красива, все на улице заглядывались на нее. Мужчины, как это принято в Париже, вслух выражали свое восхищение, женщины с завистью обмеривали ее глазами. Она была высокая, стройная и гибкая. (Она сама мне показывала, что может, перегнувшись назад, коснуться головой своих ног.) На ней было белое платье и белая широкополая соломенная шляпа с большим белым страусовым пером — это перо ей привез только что вернувшийся тогда из Абиссинии ее муж — поэт Н. С. Гумилев...

Анна Ахматова, 1910-е годы.

Мы посетили однажды какой-то ресторан на Монмартре и дивились на увеселения иностранцев в этом злачном месте... Парижан там не увидишь. Но маленькие кафе, которыми изобилует Париж, совсем другого стиля. Здесь за столиком французы проводят время отдыха за чашкой кофе и скромной выпивкой, иногда целой семьей или компанией друзей... Помню, как Анна Андреевна снисходительно отнеслась к шутке ее соседа по столику: он незаметно положил ей записочку в туфлю.

Н. Н. Чулкова

А. Модильяни. Фото 1916–1917 гг.

* * *

В это время Модильяни бредил Египтом. Он водил меня в Лувр смотреть египетский отдел, уверял, что все остальное, «tout le reste», недостойно внимания. Рисовал мою голову в убранстве египетских цариц и танцовщиц и казался совершенно захвачен великим искусством Египта. Очевидно, Египет был его последним увлечением...

Анна Ахматова. «Амедео Модильяни»

Ахматова, рисунок Модильяни, Париж 1911 г.

* * *

В Лувре (1911) я была насмерть прикована к Египту. Египтянкой – царица и плясунья – изображал меня рисовавший (меня) тогда Амедео Модильяни.

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

Амедео Модильяни за несколько лет до смерти.

Таким, измученным, постаревшим, отчаявшимся Амедео Модильяни Анне Ахматовой не суждено было увидеть. Но именно таким предстает он в одном из вариантов «Поэмы без героя»:

В черноватом Париж тумане,
И наверно, опять Модильяни
Незаметно бродил за мной.
У него печальное свойство
Даже в сон мой вносить беспокойство
И быть многих бедствий виной.

Но он мне – своей Египтянке...
Что играет старик на шарманке,
А под ней весь парижский гул,
Словно гул подземного моря —
Этот тоже довольно горя
И стыда и лиха – хлебнул.

*Из чернового варианта
«Поэмы без героя»*

В Париже в 1911 году Анна Андреевна написала лишь два стихотворения, но к роману с Модильяни, по ее словам, они не имеют никакого отношения. По всей вероятности, первое («Мне с тобою пьяным весело...») является воспоминанием о прошлогодних осенних беседах с Георгием Чулковым, через столик в привокзальном царскосельском кафе. Второе («В углу старик, похожий на барана...»), может быть, как-то связано с их новой встречей в Париже. (Вырвавшись на волю, Анна Андреевна, кажется, видела себя второй Анной Карениной, недаром упоминает в «Автобиографии», что родилась в один год с «Крейцеровой сонатой» Льва Толстого.) Правда, Чулков приехал во Францию с женой, но его умная жена весьма снисходительно относилась к «амурным» увлечениям своего супруга, ежели речь шла о том, чтобы помочь «молодому и свежему дарованию».

Первое парижское стихотворение Ахматова опубликовала в «Вечере», второе – постаралась понадежнее забыть, но все-таки вспомнила, за исключением одной строки, в конце 50-х гг.

Мне с тобою пьяным весело...

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища,
И беспутного, и нежного.

*1911
Париж*

В углу старик, похожий на барана...

В углу старик, похожий на барана,
Внимательно читает «Фигаро».
В моей руке просохшее перо.
Идти домой еще как будто рано.

Тебе велела я, чтоб ты ушел.
Мне сразу все глаза твои сказали...
Опилки густо устилают пол.
И пахнет спиртом в полукруглом зале.

И это юность. Светлая пора
...
Да лучше б я повесилась вчера
Или под поезд бросилась сегодня.

*Май-июнь 1911?
Конец 1950-х годов
Париж*

Вернувшись летом 1911 года в Слепнево, Анна Андреевна нашла в деревне все то же, что и прошлым летом. Однако вопросов мужу больше не задавала: Машенька была слишком больна, это видели все, кроме Николая Степановича.

* * *

В 1911 году я приехала в Слепнево прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепневе, отказалась признать меня барыней и сказал кому-то: «К Слепневским господам хранфуженка приехала», а земский начальник Иван Яковлевич Дерин – очкастый и бородатый увалень, когда оказался моим соседом за столом и умирал от смущенья, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: «Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?» Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодежь за сказочную мою худобу и (как им тогда казалось) таинственность называли меня знаменитой лондонской мумией, которая всем приносит несчастье.

Анна Ахматова (третья слева), крайняя справа Маша Кузьмина-Караваева.

Николай Степанович не выносил Слепнева. Скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал «такая скучная не золотая старина» и наполнял альбом Кузьминых-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, что-то понял и чему-то научился.

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

Слепневские приятели и приятельницы Гумилева, даже те, кому его выбор показался неудачным, все-таки признавали, что у юной мадам Гумилевой необычная внешность («походила на египетскую плясунью») и удивительно «гибкое змеиное тело». Да она и сама не упускала случая продемонстрировать сказочную гибкость. В Слепневе Николай Степанович даже поставил для жены цирковой аттракцион: женщина-змея. После этого читалось стихотворение про змею, написанное еще в прошлом году.

В комнате моей живет красивая...

В комнате моей живет красивая
Медленная черная змея;
Как и я, такая же ленивая
И холодная, как я.

Вечером слагаю сказки чудные
На ковре у красного огня,
А она глазами изумрудными
Равнодушно смотрит на меня.

Ночью слышат стонущие жалобы
Мертвые, немые образа...
Я иного, верно, пожелала бы,
Если б не змеиные глаза.

Только утром снова я, покорная,
Таю, словно тонкая свеча...
И тогда сползает лента черная
С низко обнаженного плеча.

1910

И там колеблется камыш...

...

И там колеблется камыш
Под легкою рукой русалки.
Мы с ней смеемся ввечеру
Над тем, что умерло, но было,
Но эту странную игру
Я так покорно полюбила...

После 13 июля ст. ст. до середины августа 1911
Слепнево

В промежутки между грозами...

В промежутки между грозами,
Мрачной яркостью богатые,
Над притихшими березами
Облака стоят крылатые.
Чуть гроза на запад спрячется
И настанет тишь чудесная,
А с востока снова катится
Колесница поднебесная.

1910-е годы

Слепнево

1961

Записала на Илью в Комарове

Березы ¹⁴

...Таких берез еще никто не видел. Мне страшно их вспоминать. Это наваждение. Что-то грозное, трагическое, как «Пергамский алтарь», великолепное и неповторимое. И кажется, там должны быть вороны. И нет ничего лучше на свете, чем эти березы, огромные, могучие, древние, как друиды, и еще древней. Прошло три месяца, а я не могу опомниться, как вчера, но я все-таки не хочу, чтобы это был сон. Они мне нужны настоящие.

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

1959–1961

---

¹⁴ У Анны Ахматовой, как и у Пушкина, было какое-то особенное чувство к большим старым деревьям: комаровским соснам, слепневским березам, царскосельским дубам и липам. Они казались ей чуть ли не историческими персонажами, и она радовалась, если эти хранители древности, как старые знакомцы, приходили к ней во сне.

Исповедь

Умолк простивший мне грехи.
Лиловый сумрак гасит свечи,
И темная епитрахиль
Накрыла голову и плечи.

Не тот ли голос: «Дева! встань...»
Удары сердца чаще, чаще.
Прикосновение сквозь ткань
Руки, рассеянно крестящей.

1911

Царское Село

Домашнего религиозного воспитания Ахматова не получила. В семье Горенко, как и во многих интеллигентных семьях предреволюционной поры, отношение к религии было спокойным. Однако младшие дочери Инны Эразмовны, бестужевки и народоволки, подрастая, наперекор семейной традиции стали проявлять непонятную матери религиозность с некоторым даже налетом экзальтации. Одна из товарок Анны по Киевской гимназии (год 1907) оставила такое важное свидетельство:

«Киевская весна. Синие сумерки. Над площадью медленно разносится благовест. Хочется зайти в древний храм св. Софии, но ведь я принадлежу к «передовым» и в церковь мне не подобает ходить. Искушение слишком велико... хочется отойти от обыденного. В церкви полумрак. Народу мало... в темном приделе вырисовывается знакомый своеобразный профиль. Это Аня Горенко. Она стоит неподвижно... Взгляд сосредоточенно устремлен вперед. Она никого не видит, не слышит. Кажется, что она и не дышит... Несколько раз хотела заговорить с ней о встрече в церкви, но всегда что-то останавливало. Мне казалось, что я невольно подсмотрела чужую тайну...»

Похороны

Я места ищу для могилы,
Не знаешь ли, где светлей?
Так холодно в поле. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла к покою
И любит солнечный свет.
Я келью над ней построю,
Как дом наш, на много лет.

Между окнами будет дверца,
Лампадку внутри зажжем,
Как будто темное сердце
Алым горит огнем.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказал монах, укоряя:
«Не для вас, не для грешных рай».

И тогда, побелев от боли,
Прошептала: «Уйду с тобой».
Вот одни мы теперь, на воле,
И у ног голубой прибой.

*22 сентября 1911
Царское Село*

Смуглый отрок бродил по аллеям...

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

*24 сентября 1911
Царское Село*

Муж хлестал меня узорчатым...

Муж хлестал меня узорчатым,
Вдвое сложенным ремнем.
Для тебя в окошке створчатом
Я всю ночь сижу с огнем.

Рассветает. И над кузницей
Подымается дымок.
Ах, со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не мог.

Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла.
Или любишь белокурую,
Или рыжая мила?

Как мне скрыть вас, стоны звонкие!
В сердце темный душный хмель;
А лучи ложатся тонкие
На несмятую постель.

1911
Осень

Под навесом темной риги жарко...

Под навесом темной риги жарко,
Я смеюсь, а в сердце злобно плачу.
Старый друг бормочет мне: «Не каркай!
Мы ль не встретим на пути удачу!»

Но я другу старому не верю,
Он смешной, незрячий и убогий,
Он всю жизнь свою шагами мерил
Длинные и скучные дороги.

И звенит, звенит мой голос ломкий,
Звонкий голос не узнавших счастья:
«Ах, пусты дорожные котомки,
А на завтра голод и ненастье!»

*24 сентября 1911
Царское Село*

Песня последней встречи

Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки,
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала – их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!»

Я обманут моей унылой,
Переменчивой злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»

Это песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.

*29 сентября 1911
Царское Село*

Меня покинул в новолунье...

Меня покинул в новолунье
Мой друг любимый. Ну так что ж!
Шутил: «Канатная плясунья!
Как ты до мая доживешь?»

Ему ответила, как брату,
Я, не ревнуя, не ропща,
Но не заменят мне утрату
Четыре новые плаща.

Пусть страшен путь мой, пусть опасен,
Еще страшнее путь тоски...
Как мой китайский зонтик красен,
Натерты мелом башмачки!

Оркестр веселое играет,
И улыбаются уста.
Но сердце знает, сердце знает,
Что ложа пятая пуста!

*Ноябрь 1911
Царское Село*

Музе

Муза-сестра заглянула в лицо,
Взгляд ее ясен и ярок.
И отняла золотое кольцо,
Первый весенний подарок.

Муза! ты видишь, как счастливы все —
Девушки, женщины, вдовы.
Лучше погибну на колесе,
Только не эти оковы.

Знаю: гадая, и мне обрывать
Нежный цветок маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошке свечу
И ни о ком не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, как целуют другую.

Завтра мне скажут, смеясь, зеркала:
«Взор твой не ясен, не ярок...»
Тихо отвечу: «Она отняла
Божий подарок».

*10 ноября 1911
Царское Село*

Любовь

То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует,

То в инее ярком блеснет,
Почудится в дреме левкоя...
Но верно и тайно ведет
От радости и от покоя.

Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.

*24 ноября 1911
Царское Село*

Любовь покоряет обманно...

Любовь покоряет обманно
Напевом простым, неискусным.
Еще так недавно-странно
Ты не был седым и грустным.

И когда она улыбалась
В садах твоих, в доме, в поле,
Повсюду тебе казалось,
Что вольный ты и на воле.

Был светел ты, взятый ею
И пивший ее отравы.
Ведь звезды были крупнее,
Ведь пахли иначе травы.
Осенние травы.

*24 ноября 1911
Царское Село*

И мальчик, что играет на волынке...

И мальчик, что играет на волынке,
И девочка, что свой плетет венок,
И две в лесу скрестившихся тропинки,
И в дальнем поле дальний огонек, —

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко в сердце берегу,
Лишь одного я никогда не знаю
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О только дайте греться у огня.
Мне холодно! Крылатый иль бескрылый,
Веселый бог не посетит меня.

*30 ноября 1911
Царское Село*

Отрывок

...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой
любимый,
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы-любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

26 декабря 1911

Осенью 1911 года Гумилевы вернулись из Слепнева позже обычного. В связи с переездом в новый собственный дом в Царском Селе.

Н. Гумилев.

Дом, который присмотрела и вскорости купила Анна Ивановна, выбирался с расчетом на долгую жизнь: чтобы был и поместительным и удобным; свекровь Анны Андреевны гордилась своей репутацией хорошей хозяйки. Молодоженам отвели целый этаж, невестке – отдельную комнату, рядом с рабочим кабинетом мужа и библиотекой. Гостиную, по настоянию Николая Степановича, обставили в стиле «модерн», для остальных комнат привезли из Слепнева прадедовскую мебель красного дерева. Анна обрадовалась: отдельная комната, теплая, уютная, обставленная старинной мебелью – как она мечтала о домашнем семейном уюте в годы южной бездомности! Она вообще всю жизнь страстно хотела того, чего у нее ни в детстве, ни потом не было: семейного уюта и «простой домашней жизни». Однако очень скоро уютный дом мужа (все, кто бывал у Гумилевых в Царском Селе, утверждают единогласно, что семья поэта была радушной, устоявшейся, хорошей чиновничьей семьей) стал казаться ей нежилым, наполненным неживыми вещами («сердце бедное измаялось в нежиле дому твоём»). Дело было, конечно, не в вещах, а в людях, и прежде всего в жене старшего из братьев Гумилевых, которая всем своим поведением подчеркивала, что Анна «чуждый элемент»: «В дом влилось много чуждого элемента... В семье очутились две Анны Андреевны. Я блондинка, А. А. брюнетка... Она держалась в стороне от семьи. Поздно вставала, являлась к завтраку около часа, последняя, и войдя в столовую, говорила: «Здравствуйте все!» За столом большей частью была отсутствующей, потом исчезала в свою комнату либо уезжала в Петербург».

Уезжал с раннего утра в Петербург и Николай Степанович, а возвращался за полночь. Он поступил в университет, а кроме того, активно сотрудничал в журнале «Аполлон».

Парижские приключения (легкий, без продолжения, вполне в духе времени, роман с художником Амедео Модильяни, тогда еще совсем не знаменитым), как это ни странно, восстановили супружеское согласие. В томик Теофиля Готье, привезенный из Франции специально для неверного, романтически влюбленного в кузину Николая Степановича, неверная его жена, как бы по забывчивости, вложила романтическое послание от парижского своего поклонника – Модильяни. Николай Степанович пришел в бешенство. Расквитавшись и повинившись, супруги помирились. И вроде бы простили друг друга: он ей – Модильяни и увеселительную прогулку в Париж, она ему – Машеньку и Африку. Тем легче простила, что убедила себя: влюбленности мужа – всего лишь «средство для ярко-певучих стихов», не зря Николай Степанович так часто и с таким нажимом цитировал именно эти строки своего кумира Валерия Брюсова. Отдадим должное Николаю Гумилеву: ни влюбленность в смертельно больную кузину, ни отвращение к «женским истерикам», ни ревность к поклонникам жены, которых становилось все больше и больше, не помешали ему заметить, что написанные Анной за время его отсутствия стихи решительно не похожи на ее прежние девичьи экзерсисы. О первой и, может быть, самой главной, потому что первая, литературной победе, пока еще внутри домашнего круга, Ахматова рассказала так

«25 марта 1911 г. старого стиля (Благовещение) Гумилев вернулся из своего путешествия в Африку (Аддис-Абеба). В нашей первой беседе он между прочим спросил меня: «А стихи ты писала?» Я, тайно лгуя, ответила: «Да». Он попросил почитать, прослушал несколько стихотворений и сказал: «Ты поэт».

Николай Степанович был не первым, кто понял, что Анна Гумилева, которую чуть было не записали в обыкновенные барышни, – поэт. То же самое сказал ей Георгий Чулков, когда, опоздав на Царскосельский паровичок, они пили кофе в привокзальном буфете, а она, осмелев от неловкости, стала читать стихи. Читала и в редакции «Аполлона». Один из присутствовавших на этом чтении вспоминал: Анна Андреевна так нервничала, что «от волнения слегка дрожал кончик ее лакированной туфельки». Но вкусу сотрудников «Аполлона» она не очень-то доверяла, а Чулкова, зная его репутацию первостатейного ловеласа,

тайно подозревала в том, что тот просто решил приволокнуться, потому и льстит. Изумление и одобрение Николая Степановича совсем другое дело: Гумилев, если речь шла о стихах, не делал скидок никогда и никому и выражал свое мнение «прямо в глаза». Решив, что надо делать книгу, он, не теряя ни дня, приступил к реализации своего решения. Во-первых, подключил к срочному делу и членов созданного по его инициативе «Цеха поэтов», и сочувствующих: предисловие написал поэт Михаил Кузмин, обложку рисовал тоже поэт – «синдик» «Цеха поэтов» Сергей Городецкий, фронтиспис – приятель Кузмина «мирискусник» Евгений Лансере. Издательство «Цех поэтов» было задумано как неперIODический орган новорожденной и сразу же отмежевавшейся от символистов группы акмеистов, лидером которой стал Николай Гумилев. Меценатов решено было не искать из гордости и из принципа, а чтобы удешевить процесс издания, ввели серийное оформление; вышедший одновременно с «Вечером» сборник Михаила Зенкевича «Дикая порфира» внешне был похож на ахматовский как близнец. Их и обмывали вместе. Автор «Дикой порфиры» в очерке «У камина с Анной Ахматовой» так описал те памятные для него дни: «Вот я везу ее «Вечер» вместе со своей «Дикой порфирой» в лавровых венках, сплетенных Городецким». Венки, как самый рукодельный из цеховиков, действительно сплел Сергей Городецкий, а вот лавры добыла в оранжерее то ли Царского Села, то ли Павловска Анна Ахматова.»

Кроме «Вечера» и «Дикой порфиры», в первый зал – по символистам из акмеистической пушки – Гумилев включил также книжечки Е. Кузьминой-Караваевой (в будущем Матери Марии, героини французского Сопротивления) и Вас. Гиппиуса. (В 1912 году Гумилев относился к символистам уже не просто отрицательно, но враждебно, считая, что они – как дикари, которые съели своих родителей и с тревогой смотрят на своих детей.)

На зал по «дикарям-людоедам» и ждали реакции, но случилось непредвиденное: «Вечер», самоходно, без того, что ныне называется раскруткой, сделался гвоздем сезона. Сборник никому еще вчера неизвестной Ахматовой читатели искали по магазинам, огорчались, что все раскуплено, любопытствовали «на счет» автора, кто такая и откуда пришла. Словом, налицо были все признаки успеха, и успеха такой внезапности и непредсказуемости, что Гумилев, нарочно, при домашних, за общим чаем, произнес страшное слово: слава. Анна приняла случившееся иначе: ей стало казаться, что публикация ее ославила, то есть опозорила. Стояло перед глазами брезгливое лицо отца. Думая потешить его тщеславие, она как-то показала ему студенческий журнал «Gaudeamus», где стихи были подписаны ее природной девичьей фамилией: Анна Горенко. Андрей Антонович рассвирепел:

– Я тебе запрещаю так подписываться. Я не хочу, чтобы ты трепала мое имя.

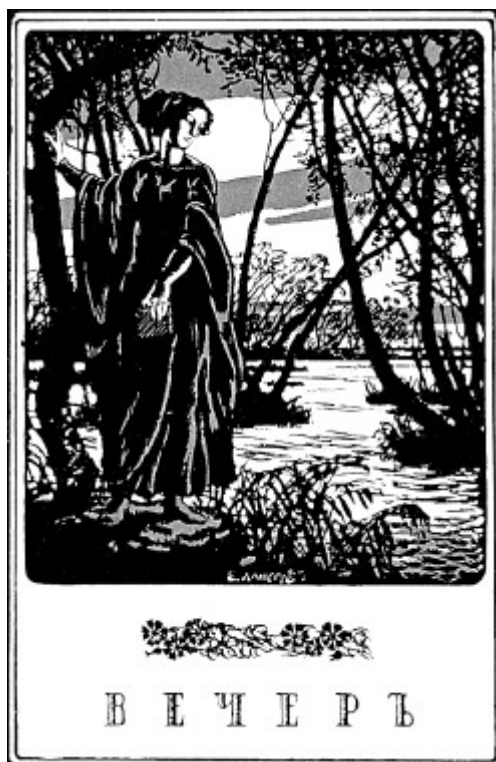
Подписываться после этой сцены она стала иначе: Анна Ахматова, но инцидента не забыла, незадолго до смерти внесла в «Записную книжку» такой отрывок:

Пусть даже вылета мне нет
Из стаи лебединой...
Увы, лирический поэт
Обязан быть мужчиной,
Иначе все пойдет вверх дном
До часа расставанья —
И сад – не сад, и дом – не дом,
Свиданье – не свиданье.

* * *

Нам кажется, что в отличие от других вещелюбов, Анна Ахматова обладает способностью понимать и любить вещи именно в их непонятной связи с переживаемыми минутами. Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (перчатку на столе, облако, как беличья шкурка, в небе, желтый свет свечей в спальне, треуголку в Царскосельском парке), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более ощутимый укол, более сладостный яд мы чувствуем. Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет.

М. Кузмин. Из Предисловия к книге «Вечер»

Фронтиспис первого сборника А. Ахматовой «Вечер». Худ. Е. Лансере, 1912 г.

Анна была благодарна всем, а особенно Кузмину, за прелестное Предисловие, однако втайне досадовала на свою робость. Ей хотелось назвать книжку с вызовом: «Лебеда» и открыть «Песенкой». В «Песенке» была долго не дававшаяся ей сложная простота:

Я на солнечном восходе
Про любовь пою,
На коленях в огороде
Лебеду полю.

М. Кузмин.

Но Михаил Кузмин, обожавший живопись Константина Сомова, усмотрел в стихах супруги приятеля сомовские мотивы, почти вариации на тему знаменитого, для мирискусников программного «Вечера». Анна попробовала сопротивляться: почему вечер, если у нее восход да еще и солнечный? И как это связать? Но Кузмин придумал выход, нашел объясняющий название эпиграф из Андрея Терье: «La fleur des vignes pousse et lai vingt ans ce soir» (Цветок виноградных лоз растет, и мне двадцать лет сегодня вечером). Впрочем, и Кузмина понять можно: героиня «Песенки» слишком проста, в ней нет того, что поражало в Ахматовой, уже в первых стихах удивляло – странный набор несовместимых свойств: скромность до застенчивости и дерзость, робость и вызов, крайняя неуверенность в себе и апломб, надменность и простота. И так во всем: черты лица слишком острые, чтобы лицо можно было назвать красивым; сказочная гибкость, которой дивились примадонны петербургского балета, а ходить не умеет, движется как сомнамбула. Анна хотела объяснить, что ее лебеда – не огородный сорняк. Не сумела... Объяснит потом, много лет спустя: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда! Как одуванчик у забора, как лопухи и лебеда...»

И СЛАВА ЛЕБЕДЬЮ ПЛЫЛА

Анна Ахматова. Худ. Н. Альтман, 1914 г.

В марте 1914 года вышла вторая книга – «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начинал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось вечным. Мы вернулись не в Петербург, а Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Анна Ахматова. «Коротко о себе»

* * *

...Звуки в петербургских дворах... Звук бросаемых в подвал дров. Шарманщики, точильщики, старьевщики...

Дымки над крышами. Петербургские голландские печи. Петербургские каминьки... Петербургские пожары... Колокольный звон, заглушаемый звуками города. Барабанный бой, так напоминающий казнь. Санки с размаху о тумбу на горбатых мостах, которые теперь почти лишены своей горбатости. Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры. Лошадиная обмерзшая в сосульках морда почти у вас на плече. Я почти что все «Четки» сочинила в этой обстановке, а дома только записывала уже готовые стихи...

В дни выхода «Четок» нас пригласила к себе издатель «Северных записок» эсерка Чацкина (я была в том синем платье, в котором меня изобразил Альтман). У нее собралось видимо-невидимо гостей. Около полуночи начали прощаться. Одних хозяйка отпустила, других просила остаться. Потом все перешли в столовую, где был накрыт парадный стол, и мы оказались на банкете в честь только что выпущенных из Шлиссельбурга народо-

вольцев. Я сидела с Л. К.¹⁵ против Германа Лопатина. Потом часто с ужасом вспоминала, как Л. К. сказал мне: «Если бы мне дали «Четки», я бы согласился провести столько времени в тюрьме, как наш визави».

Анна Ахматова. Из «Записных книжек»

«Четки» Анна Ахматова считала своей первой настоящей книгой и в зрелые годы о «Вечере» вспоминать не любила, дескать, это всего лишь проба пера избалованной и глупой девочки. Однако в старости написала ностальгические стихи и назвала их – «Рисунок на книге «Вечер»:

Он не траурный, он не мрачный,
Он почти как сквозной дымок,
Полуброшенной новобрачной
Черно-белый легкий веноч.
А под ним тот профиль горбатый.
И парижской челки атлас.
И зеленый, продолговатый,
Очень зорко видящий глаз.

А еще через несколько лет внесла в «Записные книжки» еще одно воспоминание о времени своей первой молодой славы:

О, как меня любили ваши деда,
Улыбчиво, и томно, и светло.
Прощали мне и дольки и бреды
И киевское помело.
Прощали мне (и то всего милее)
Они друг друга...

1960-е годы

---

¹⁵ Леонид Каннегисер – поэт, автор рецензии на «Четки»; в августе 1918-го убил М. Урицкого; расстрелян.

Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. Портрет работы Б. Кустодиева.

«О, как меня любили ваши деды» – здесь нет преувеличения. Вот какой запомнила юную Ахматову одна из ее современниц, беллетристка, издательница и даже депутат Думы от партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс. (Отец Анны Андреевны, слегка приударявший за красивой и в ту пору свободной женщиной, называл госпожу Тыркову Ариадной Великолепной.)

Тонкая, высокая, стройная, с гордым поворотом маленькой головки, закутанная в цветистую шаль, Ахматова походила на гитану... Мимо нее нельзя было пройти, не залюбовавшись ею. На литературных вечерах молодежь бесновалась, когда Ахматова появлялась на эстраде. Она делала это хорошо, умело, с сознанием своей женской обаятельности, с величавой уверенностью художницы, знающей себе цену... Такие, как она... легче разговаривают с мужчинами. Но у нее сохранились обо мне полудетские царскосельские воспоминания.

В самом конце XIX века я год прожила в Царском Селе и там познакомилась с ее семьей. Анна была тогда гимназисткой. Она с любопытством прислушивалась к разговорам старших обо мне. Это было еще до моего писательства, но около молодых женщин, если они не уроды, вьются шепоты и пересуживания.

– Я вас в Царском и на улице все высматривала, – рассказывала она мне. – Папа вас называл Ариадна Великолепная. Мне это слово ужасно нравилось. Я тогда же решила, что когда-нибудь тоже стану великолепная...

Она имела право сказать:

– Вот так и вышло. Только я вас перегнала...

По благовоспитанности своей она никогда мне этого не сказала».

Ты письмо мое, милый, не комкай...

Ты письмо мое, милый, не комкай.
До конца его, друг, прочти.
Надоело мне быть незнакомкой,
Быть чужой на твоём пути.

Не гляди так, не хмурься гневно.
Я любимая, я твоя.
Не пастушка, не королевна
И уже не монашенка я —

В этом сером, будничном платье,
На стоптанных каблуках...
Но, как прежде, жгуче объятье,
Тот же страх в огромных глазах.

Ты письмо мое, милый, не комкай,
Не плачь о заветной лжи.
Ты его в своей бедной котомке
На самое дно положи.

1912
Царское Село

Бессонница

Где-то кошки жалобно мяукают,
Звук шагов я издали ловлю...
Хорошо твои слова баюкают:
Третий месяц я от них не сплю.

Ты опять, опять со мной, бессонница!
Неподвижный лик твой узнаю.
Что, красавица, что, беззаконница,
Разве плохо я тебе пою?

Окна тканью белою завешены,
Полумрак струится голубой...
Или дальней вестью мы утешены?
Отчего мне так легко с тобой?

*Начало 1912 года
Царское Село*

Безвольно пощады просят...

Безвольно пощады просят
Глаза. Что мне делать с ними,
Когда при мне произносят
Короткое, звонкое имя?

Иду по тропинке в поле
Вдоль серых сложенных бревен.
Здесь легкий ветер на воле
По-весеннему свеж, неровен.

И томное сердце слышит
Тайную весть о дальнем.
Я знаю: он жив, он дышит,
Он смеет быть не печальным.

*Начало 1912 года
Царское Село*

В. Васнецов. Сирин и Алконост. Песнь радости и печали. 1896 г.

Ты поверь, не змеиное острое жало...

Ты поверь, не змеиное острое жало,
А тоска мою выпила кровь.
В белом поле я тихою девушкой стала,
Птичьим голосом кличу любовь.

И давно мне закрыта дорога иная,
Мой царевич в высоком кремле.
Обману ли его, обману ли? – Не знаю.
Только ложью живу на земле.

Не забыть, как пришел он со мною проститься:
Я не плакала: это судьба.
Ворожу, чтоб царевичу ночью присниться,
Но бессильна моя ворожба.

Оттого ль его сон безмятежен и мирен,
Что я здесь у закрытых ворот,
Иль уже светлоокая, нежная Сирина¹⁶
Над царевичем песню поет?

27 февраля 1912

---

¹⁶ Нежная Сирина – образ из славянского фольклора, толкуемый по-разному, иногда девушка с птичьим голосом, иногда райская птица счастья и радости. Ахматова, или сама не заметив этого или специально, почти повторила строчку из стихотворения Бальмонта, изменив, как это сделал и художник Васнецов, пол птицы счастья: у Бальмонта было: «Поет о счастье светлый Сирина».

Твоя свирель над тихим миром пела...

Ф. К. Сологубу

Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей.

16 марта 1912

Царское Село

Ф. К. Сологуб необычайно высоко ставил стихи Ахматовой. А его мнение многое значило для начинающей поэтессы, ведь Сологуб был не только знаменит, он был «мэтр». В «Записных книжках» А. А. А. зафиксирован такой эпизод:

«Когда в 191(2?) году Вячеслав Иванов приехал в Петербург, он был у Сологуба на Разъезжей... Необычайно парадный вечер и великолепный ужин. В гостиной ко мне подошел Мандельштам и сказал: «Мне кажется, что один мэтр – зрелище величественное, а два – уже смешное». Очень дорожила Анна Андреевна и стихами, которыми одарил ее Федор Кузьмич:

Прекрасно все под нашим небом,
И камни гор, и нив цветы,
И вечным, справедливым Фебом
Опять обласканная, Ты,

И это нежное волнение,
Как в пламени Синайский куст,
Когда звучит стихотворенье —
Пчела над зыбким медом уст.

И кажется, что сердце вынет
Благочестивая жена
И милостиво нам подвинет,
Как чашу пьяного вина.

Март 1917

Ф. К. Сологуб.

Как уже упоминалось, у Анны Андреевны с самого начала их совместной жизни под одним кровом были несколько натянутые отношения со свекровью. Младшая невестка явно не отвечала ее представлениям о хорошей жене и правильной семейной жизни. И вдруг – все изменилось!

Анна Ивановна сделалась шелка нежней и уже не поджимала губы, когда Анна, проспав до полудня, являлась к завтраку последней и приходилось опять раздувать самовар. Младший сын сообщил ей под секретом, что Аннушка беременна. Анна Ивановна в миг помолодела, прислуга забежала, спешили навести порядок и уют: появления долгожданного младенца ждали к исходу сентября.

К предстоящему прибавлению семейства будущий отец отнесся без энтузиазма, успех жениного «Вечера»¹⁷ обрадовал его куда больше. И тем не менее год 1912-й был, кажется, почти благополучным для четы Гумилевых. Весной они вдвоем побывали в Италии. Несмотря на жару, которую Анна переносила трудно, и беременность, стихи шли мощной волной...

---

¹⁷ «Вечер» вышел в издательстве «Цех поэтов» в марте 1912 года.

Слаб голос мой, но воля не слабеет...

Слаб голос мой, но воля не слабеет,
Мне даже легче стало без любви.
Высоко небо, горный ветер веет,
И непорочны помослы мои.

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой.

Как прошлое над сердцем власть теряет!
Освобождение близко. Все прощу,
Следя, как луч взбегает и сбегает
По влажному весеннему плющу.

*Апрель 1912
Оспедалетто*

Я научилась просто, мудро жить...

Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу,
И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу.

Когда шуршат в овраге лопухи
И никнет гроздь рябины желто-красной,
Слагаю я веселые стихи
О жизни тленной, тленной и прекрасной.

Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь
Пушистый кот, мурлыкает умильней,
И яркий загорается огонь
На башенке озерной лесопильни.

Лишь изредка прорезывает тишь
Крик аиста, слетевшего на крышу.
И если в дверь мою ты постучишь,
Мне кажется, я даже не услышу.

*Май 1912
Флоренция?*

Здесь все то же, то же, что и прежде...

Здесь все то же, то же, что и прежде,
Здесь напрасным кажется мечтать.
В доме у дороги непроезжей
Надо рано ставни запирать.

Тихий дом мой пусть и неприветлив,
Он на лес глядит одним окном,
В нем кого-то вынули из петли
И бранили мертвого потом.

Был он грустен или тайно весел,
Только смерть – большое торжество.
На истертом красном плюше кресел
Изредка мелькает тень его.

И часы с кукушкой ночи рады,
Все слышней их четкий разговор.
В щелочку смотрю я: конокрады
Зажигают под холмом костер.

И, пророча близкое ненастье,
Низко, низко стелется дымок.
Мне не страшно. Я ношу на счастье
Темно-синий шелковый шнурок.

*Май 1912
Флоренция*

Помолись о нищей, о потерянной...

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты, в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

*Май 1912
Флоренция*

Стал мне реже сниться, слава Богу...

Стал мне реже сниться, слава Богу,
Больше не мерещится везде.
Лег туман на белую дорогу,
Тени побежали по воде.

И весь день не замолкали звоны
Над простором вспаханной земли,
Здесь всего сильнее от Ионы
Колокольни лаврские вдали.

Подстригаю на кустах сирени
Ветки те, что ныне отцвели;
По валам старинных укреплений
Два монаха медленно прошли.

Мир родной, понятный и телесный
Для меня, незрячей, оживи.
Исцелил мне душу Царь Небесный
Ледяным покоем нелюбви.

После 17 мая 1912

Киев

Венеция

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Столько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное.

Август 1912
Слепнево

Потускнел на небе синий лак...

Потускнел на небе синий лак,
И слышнее песня окарины.
Это только дудочка из глины.
Не на что ей жаловаться так.
Кто ей рассказал мои грехи
И зачем она меня прощает?
Или это голос повторяет
Мне твои последние стихи?

1912

Осенью 18 сентября по ст. ст. 1912 года Анна Андреевна родила мальчика, которого назвали Львом в память о крестном отце Николая Степановича – Льве Ивановиче Львове.

Загорелись иглы венчика...

Загорелись иглы венчика
Вкруг безоблачного лба.
Ах! Улыбчивого птенчика
Подарила мне судьба.

Октябрь 1912

Как вплелась в мои темные косы...

Как вплелась в мои темные косы
Серебристая нежная прядь, —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять.

Чутким ухом далекое слышишь
И на тонкие ветки раки,
Весь нахохлившись, смотришь — не дышишь,
Если песня чужая звучит.

А еще так недавно, недавно,
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя.

22 октября 1912

Николай Гумилев, 1910-е годы.

В ремешках пенал и книги были...

Н. Г.

В ремешках пенал и книги были,
Возвращалась я домой из школы.
Эти липы, верно, не забыли
Нашей встречи, мальчик мой веселый.
Только, ставши лебедем надменным,
Изменился серый лебеденок.
А на жизнь мою лучом нетленным
Грусть легла, и голос мой незвонок.

*Октябрь 1912
Царское Село*

Протертый коврик под иконой...

Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.

От роз струится запах сладкий,
Трещит лампадка, чуть горя.
Пестро расписаны укладки
Рукой любовной кустаря.

И у окна белеют пальцы...
Твой профиль тонок и жесток.
Ты зацелованные пальцы
Брезгливо прячешь под платок.

А сердцу стало страшно биться,
Такая в нем теперь тоска...
И в косах спутанных таится
Чуть слышный запах табака.

14 ноября 1912

Дал Ты мне молодость трудную...

Дал Ты мне молодость трудную.
Столько печали в пути.
Как же мне душу скудную
Богатой Тебе принести?
Долгую песню, льстивая,
О славе поет судьба.
Господи! я нерадивая,
Твоя скупая раба.
Ни розою, ни былинкою
Не буду в садах Отца.
Я дрожу над каждой соринкою,
Над каждым словом глупца.

19 декабря 1912

Вечер

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день...

М. Лозинскому

Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!
Как невозможна грусть, как тщетно ожиданье!
И снова голосом серебряным олень
В зверинце говорит о северном сиянье.
И я поверила, что есть прохладный снег
И синяя купель для тех, кто нищ и болен,
И санок маленьких такой неверный бег
Под звоны древние далеких колоколен.

1912

Все мы бражники здесь, блудницы...

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки:
Что там, изморозь или гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

1 января 1913

В этом стихотворении описывается новогодний вечер в литературном кафе «Бродячая Собака», в 1913 году это был самый модный ночной клуб, где бывал весь богемный Петербург.

В «Бродячую Собаку» отправляются после маскарада в белом зеркальном зале Фонтанного дома и персонажи «Поэмы без героя»:

Как-нибудь побредем по мраку
Мы отсюда еще в «Собаку»...

Вывеска «Бродячей Собаки» (по рисунку М. В. Добужинского).

Знаменитая балерина Тамара Карсавина часто танцевала в «Бродячей собаке», восхищая и пленяя ее завсегдаев. В том числе и Анну Андреевну.

В. Серов. Портрет балерины Т. П. Карсавиной. 1909 г.

Тамаре Платоновне Карсавиной

Как песню, слагаешь ты легкий танец —
О славе он нам сказал, —
На бледных щеках розовеет румянец,
Темней и темней глаза.
И с каждой минутой все больше пленных,
Забывших свое бытие,
И клонится снова в звуках блаженных
Гибкое тело твое.

26 марта 1914

Как долог праздник новогодний...

Графу В. П. Зубову

Как долог праздник новогодний,
Как бел в окошках снежный цвет.
О Вас я думаю сегодня
И нежный шлю я Вам привет.

Пускай над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали,
Я обещанья не сдержу.

А Вы останьтесь верным другом
И не сердитесь на меня,
Ведь я прикована недугом
К моей кушетке на три дня.

И дом припоминая темный
На левом берегу Невы,
Смотрю, как ласковы и томны
Те розы, что прислали Вы.

1910-е годы

Это немного кокетливое стихотворение требует комментария.

Подвал – кабаре «Бродячая Собака», куда завсегдатаи собирались за полночь, а разъезжались на рассвете.

Михаил Кузмин очень точно охарактеризовал особую атмосферу этих «подвальных» петербургских ночей:

Здесь цепи многие развязаны —
Все сохранит подземный зал.
И те слова, что ночью сказаны,
Другой бы утром не сказал.

Судя по новогодней «записочке» графу Зубову, Анна Андреевна не была исключением: она, как и все, вполне могла говорить ночью то, чего утром ни за что бы не сказала...

Анна Андреевна называет дом графа Зубова темным не потому, что там происходило что-то нехорошее, а потому, что этот дом, точнее, дворец, был облицован черным мрамором. В своем роскошном дворце Валентин Платонович, богач, искусствовед и меценат, основал в 1912 году Институт истории искусств, где читали лекции самые известные деятели культуры, а в легендарном Зеленом зале с малахитовым камином регулярно устра-

ивались концерты. Георгий Иванов в очерке о Сергее Есенине так описывает атмосферу этих вечеров:

«Шелест шелка, запах духов, смешанная русско-французская болтовня... Рослые лакеи в камзолах и белых чулках разносят чай, шерри-бренди, сладости...» Он же оставил нам и поэтическую зарисовку – Анна Ахматова в голубой гостиной зубовского дворца:

В пышном доме графа Зубова
О блаженстве, о Италии
Тенор пел. С румяных губ его
Звуки, тая, улетали и...

...Абжур светился матово
В голубой овальной комнате.
Нежно глядя пса лохматого,
Предсказала мне Ахматова:
«Этот вечер вы запомните».

Этот вечер и Анну Андреевну в период ее короткого романа с хозяином черномраморного дворца запомнил не только Георгий Иванов, но и еще один знаменитый современник – философ и литератор Ф. Степун. Вот только, в отличие от Иванова, который считал жену своего учителя Гумилева одной из самых прелестных женщин дореволюционного Петербурга, Степун нашел ее слегка жеманной:

«Анна Ахматова мне при первой и единственной встрече не понравилась... Быть может оттого, что она как-то уж слишком эффектно сидела перед камином на белой медвежьей шкуре, окруженная какими-то на петербургский лад изящными, перепудренными и продуренными визитками».

Как правило, в поздние годы Ахматова легко и откровенно рассказывала о своих молодых романах. А вот об отношениях с графом Зубовым говорить не любила, хотя и называла его имя (в разговорах с Павлом Лукницким) в числе тех мужчин, с которыми была близка. Лукницкий, решив, что эти воспоминания Анне Андреевне неприятны, прекратил расспросы. Между тем, судя по мемуарному очерку Никиты Струве «Восемь часов с Анной Ахматовой», именно к этому своему поклоннику Анна Андреевна и в старости относилась с нежностью. Вот что пишет Струве, который в июне 1965 года оказался случайным свидетелем их встречи в Париже:

«После чтения стихов разговор уже не возобновлялся. Вскоре послышался стук в дверь. Вошел граф З., близкий друг Ахматовой по Петербургу, с которым она не виделась 50 лет. На прощание Анна Андреевна мне сказала: «Позвоните мне еще». Перед тем, как выйти из комнаты, я еще раз обернулся. Анна Андреевна пристально и ласково смотрела на своего совсем уже старенького на вид посетителя и сказала: «Ну, вот, привел Господь еще раз нам свидеться...»

Граф Валентин Платонович Зубов впрямь был в 1965 году стар: Анне Андреевне через несколько дней исполнится 76, а он – старше на пять лет.

Столько просьб у любимой всегда...

Столько просьб у любимой всегда!
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

И я стану – Христос помоги! —
На покров этот, светлый и ломкий,
А ты письма мои береги,
Чтобы нас рассудили потомки,

Чтоб отчетливей и ясней
Ты был виден им, мудрый и смелый,
В биографии славной твоей
Разве можно оставить пробелы?

Слишком сладко земное питье,
Слишком плотны любовные сети.
Пусть когда-нибудь имя мое
Прочитают в учебниках дети,

И, печальную повесть узнав,
Пусть они улыбнутся лукаво...
Мне любви и покоя не дав,
Подари меня горькою славой.

Февраль 1913

Смятение

1

Было душно от жгучего света,
А взгляды его – как лучи.
Я только вздрогнула: этот
Может меня приручить.
Наклонился – он что-то скажет...
От лица отхлынула кровь.
Пусть камнем надгробным ляжет
На жизни моей любовь.

2

Не любишь, не хочешь смотреть?
О, как ты красив, проклятый!
И я не могу взлететь,
А с детства была крылатой.
Мне очи застит туман,
Сливаются вещи и лица,
И только красный тюльпан,
Тюльпан у тебя в петлице.

3

Как велит простая учтивость,
Подошел ко мне, улыбнулся,
Полуласково, полулениво
Поцелуем руки коснулся —
И загадочных, древних ликов
На меня поглядели очи...
Десять лет замираний и криков,

Все мои бессонные ночи
Я вложила в тихое слово
И сказала его – напрасно.
Отошел ты, и стало снова
На душе и пусто и ясно.

Февраль 1913

Вижу выцветший флаг над таможей...

Вижу выцветший флаг над таможей
И над городом желтую муть.
Вот уж сердце мое осторожней
Замирает, и больно вздохнуть.

Стать бы снова приморской девчонкой,
Туфли на босу ногу надеть,
И закладывать косы коронкой,
И взволнованным голосом петь.

Все глядеть бы на смуглые главы
Херсонесского храма с крыльца
И не знать, что от счастья и славы
Безнадежно дряхлеют сердца.

Февраль 1913

...И на ступеньки встретить...

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.

Под лампою зеленой,
С улыбкой неживой,
Друг шепчет: «Сандрильона,
Как странен голос твой...»

В камине гаснет пламя;
Томя, трещит сверчок.
Ах! кто-то взял на память
Мой белый башмачок.

И дал мне три гвоздики,
Не подымая глаз.
О милые улики,
Куда мне спрятать вас?

И сердцу горько верить,
Что близок, близок срок,
Что всем он станет мерить
Мой белый башмачок.

Февраль 1913

Черная вилась дорога...

Черная вилась дорога,
Дождик моросил,
Проводить меня немного
Кто-то попросил.
Согласилась, да забыла
На него взглянуть,
А потом так странно было
Вспомнить этот путь.
Плыл туман, как фимиамы
Тысячи кадил.
Спутник песенкой упрямо
Сердце бережил.
Помню древние ворота
И конец пути —
Там со мною шедший кто-то
Мне сказал: «Прости...»
Медный крестик дал мне в руки,
Словно брат родной...
И я всюду слышу звуки
Песенки степной.
Ах, я дома как не дома —
Плачу и грущу.
Отзовись, мой незнакомый,
Я тебя ищу!

Март 1913

Вечером

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так глядят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Март 1913

Я видел поле после града...

Я видел поле после града
И зачумленные стада,
Я видел грозди винограда,
Когда настали холода.

Еще я помню, как виденье,
Степной пожар в ночной тиши...
Но странно мне опустошенье
Твоей замученной души.

Так много нищих. Будь же нищей —
Открой бесслезные глаза.
Да озарит мое жилище
Их неживая бирюза!

Май 1913

Прогулка

Перо задело о верх экипажа.
Я поглядела в глаза его.
Томилось сердце, не зная даже
Причины горя своего.

Безветрен вечер и грустью скован
Под сводом облачных небес,
И словно тушью нарисован
В альбоме старом Булонский лес.

Бензина запах и сирени.
Насторожившийся покой...
Он снова тронул мои колени
Почти не дрогнувшей рукой.

Май 1913

Ты пришел меня утешить, милый...

Ты пришел меня утешить, милый,
Самый нежный, самый кроткий...
От подушки приподняться нету силы,
А на окнах частые решетки.

Мертвой, думал, ты меня застанешь,
И принес веночек неискusный.
Как улыбкой сердце больно ранишь,
Ласковый, насмешливый и грустный.

Что теперь мне смертное томленье!
Если ты еще со мной побудешь,
Я у Бога вымолю прощенье
И тебе, и всем, кого ты любишь.

Май 1913

Петербург, Крестовский остров

Голос памяти

О. А. Глебовой-Судейкиной

Что ты видишь, тускло на стену смотря,
В час, когда на небе поздняя заря?

Чайку ли на синей скатерти воды,
Или флорентийские сады?

Или парк огромный Царского Села,
Где тебе тревога путь пересекла?

Иль того ты видишь у своих колен,
Кто для белой смерти твой покинул плен?

Нет, я вижу стену только – и на ней
Отсветы небесных гаснущих огней.

*18 июня 1913
Слепнево*

Ничего не скажу, ничего не открою...

Ничего не скажу, ничего не открою.
Буду молча смотреть, наклонившись, в окно.
Как-то раз и меня повели к аналою,
С кем – не знаю. Но помню – давно...

Из окна моего вижу красные трубы,
А над трубами легкий клубящийся дым.
Но глаза я закрою. И нежные губы
Прикоснулись к ресницам моим.

То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это – ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.

Июль 1913

1912 год, начавшийся совместным путешествием в Италию и кончившийся рождением сына (друзья тут же перекрестили его в «гумильвенка»), был последним годом относительно надежного семейного союза двух поэтов. Весной 1913 года Николай Степанович вновь укатил в Африку, и не один, а вместе с племянником, Колей-младшим, сыном своей старшей сводной сестры Александры Степановны Сверчковой. Анна Андреевна, разбирая по просьбе свекрови, затеявшей большую уборку, бумаги и вещи в комнате мужа, обнаружила на его письменном столе увесистую пачку женских писем. Достаточно красноречивых. А вскоре узнала, что отправительница любовных посланий, Ольга Николаевна Высотская, ждет от Гумилева ребенка.

Открытка, посланная Н. Гумилевым О. Н. Высотской из Порт-Саида, с сонетом Гумилева.

К лету 1913 года Ахматова уже вполне отдавала себе отчет в том, что их брак вовсе не похож на идиллический союз «Дафниса и Хлои», как писал когда-то Гумилев. Она вышла замуж за верного рыцаря, который не мог без нее. Оказалось, однако, что верность милый друг Коля понимает вовсе не так старомодно, как она. Для него любовь не исключала ни случайных связей, ни мимолетных влюбленностей – по Брюсову: «О, эти взоры мимолетные на гулких улицах столиц...» Таков был стиль любовного быта эпохи. Дитя того же времени, Анна Ахматова не часто, но иногда позволяла себе и то, и другое. Но тут была одна тонкость, которой Гумилев не признавал: для нее «великая земная любовь» исключила «холод измен», необязательных, бездумных любовных забав...

До официального развода и Анна Андреевна, и Николай Степанович, по взаимному уговору, щекотливое обстоятельство тщательно скрывали. Да и потом Анна Андреевна на сей счет помалкивала. Но Лукницкому все-таки призналась, что «НС никогда физически не был верен никому, что этого не мог и не считал нужным». Какое-то время она, понимая, что во многом виновата сама, закрывала глаза на хроническое «донжуанство» мужа. К тому же «телесность» в отношениях между мужчиной и женщиной ей никогда не представлялась самым главным. Вот как про это записано у Лукницкого: «Не любит телесности. Телесность – проклятье земли. Проклятье – с первого грехопадения, с Адама и Евы... Телесность всегда груба, усложняет отношения, лишает их простоты, вносит в них ложь, лишает отношения их святости... Чистую, невинную, высокую дружбу портит...» Чуть ли не демонстративно брошенные любовные письма, а главное, появление на свет той же осенью Левушкиного единокровного брата заставило ее усомниться и в том единственном, что оправдывало их брак: в святости высокой дружбы. За полгода она не написала мужу ни одного письма. Правда, тревожиться за него не перестала. В августе 1913-го, уже после злосчастной находки, обеспокоенная отсутствием вестей из Африки, пишет их общему другу, поэту и переводчику Михаилу Лозинскому: «У меня к Вам большая просьба, Михаил Леонидович... Так как экспедиция послана Академией, то самое лучшее, если справляться будут оттуда. Может быть, Вы можете пойти в Академию и узнать, имеют ли там известия о Коле...»

Н. Л. Сверчков, спутник Н. Гумилева в экспедиции 1913 года.

С африканскими путешественниками ничего не случилось. 20 сентября 1913 года Гумилев вместе с племянником вернулся в Петербург, сдал в Музей антропологии и этнографии привезенные из Африки «трофеи», в том числе и множество уникальнейших фотографий, многое подарил, но, видимо, за что-то получил даже деньги. В первый же день жена вручила ему находку: связку женских писем – вещественное доказательство его «неверности» и молча ждала объяснений. Объяснений и на сей раз не последовало. Однако попытка сохранить то, что еще можно было сохранить, была все-таки сделана: супруги договорились, что отныне жить будут хотя и вместе, но как бы и врозь, не мучая друг друга бессмысленной ревностью, перечнем взаимных болей, бед и обид. Для того и решили снять комнату в Петербурге, подальше от осуждающих и наблюдающих материнских глаз.

Ахматова гордилась своим великодушием: «Выбрала сама я долю другу сердца моего: отпустила я на волю в Благовещенье его». Гумилев лучше понимал, что происходит. В конце первого года воли он написал жене такие слова: «Милая Аня, я знаю, ты не любишь и не хочешь понять это...» Но и эта правда не была настоящей правдой. Анна имела право ответить на горькое письмо мужа словами Баратынского, выбранными для эпиграфа к «Четкам»: «Прости ж навек! Но знай, что двух виновных, не одного, найдутся имена в стихах моих, в преданиях любовных».

Отпущенный на волю Гумилев тут же, на глазах у жены, стал ухаживать за сестрой своего ученика Георгия Адамовича. Вскоре Таня Адамович стала его официальной любовницей. С тех пор Ахматова на амурные приключения милого друга Коли перестала реагировать. Однако день этой измены запомнила. П. Лукницкий отмечает в Дневнике, что, диктуя ему сообщения о Гумилеве и упомянув, что 6 января 1914 года он познакомился с Таней Адамович, Анна Андреевна «чуть вздохнула», и ему «показалось, что этот вздох был не случайным».

Н. Гумилев.

Покорно мне воображенье...

Покорно мне воображенье
В изображенье серых глаз.
В моем тверском уединенье
Я горько вспоминаю Вас.

Прекрасных рук счастливый пленник
На левом берегу Невы,
Мой знаменитый современник,
Случилось, как хотели Вы,

Вы, приказавший мне: довольно,
Поди, убей свою любовь!
И вот я таю, я безвольна,
Но все сильнее скучает кровь.

И если я умру, то кто же
Мои стихи напишет Вам,
Кто стать звенящими поможет
Еще не сказанным словам?

*Июль 1913
Слепнево*

Вечерние часы перед столом...

Вечерние часы перед столом.
Непоправимо белая страница.
Мимоза пахнет Ниццей и теплом.
В луче луны летит большая птица.

И, туго косы на ночь заплетя,
Как будто завтра нужны будут косы,
В окно гляжу я, больше не грустя,
На море, на песчаные откосы.

Какую власть имеет человек,
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.

*Лето 1913
Слепнево*

Мальчик сказал мне...

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»
И мальчика очень жаль...
Еще так недавно он был довольным
И только слышал про печаль.

А теперь он знает все не хуже
Мудрых и старых вас.
Потускнели и, кажется, стали уже
Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,
С горькой болью первой любви.
Как беспомощно, жадно и жарко гладит
Холодные руки мои.

Октябрь 1913

Здравствуй! Легкий шелест слышишь...

Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь —
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз, —
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.

*Октябрь 1913
Царское Село*

Знаю, знаю – снова лыжи...

Знаю, знаю – снова лыжи
Сухо заскрипят.
В синем небе месяц рыжий,
Луг так сладостно покат.

Во дворце горят окошки,
Тишиной удалены.
Ни тропинки, ни дорожки,
Только проруби темны.

Ива, дерево русалок,
Не мешай мне на пути!
В снежных ветках черных галок,
Черных галок приюти.

*Октябрь 1913
Царское Село*

Простишь ли мне эти ноябрьские дни...

Простишь ли мне эти ноябрьские дни?
В каналах приневских дрожат огни.
Трагической осени скудны убранства.

*Ноябрь 1913
Петербург*

У меня есть улыбка одна...

У меня есть улыбка одна:
Так, движенье чуть видное губ.
Для тебя я ее берегу —
Ведь она мне любовью дана.
Все равно, что ты наглый и злой,
Все равно, что ты любишь других.
Предо мной золотой аналой,
И со мной сероглазый жених.

Ноябрь 1913

Со дня Купальницы-Аграфены...

Со дня Купальницы-Аграфены
Малиновый платок хранит.
Молчит, а ликует, как Царь Давид.
В морозной келье белы стены,
И с ним никто не говорит.

Приду и стану на порог,
Скажу: «Отдай мне мой платок!»

*16 ноября 1913
Царское Село*

В. К. Шилейко, 1910-е гг.

Косноязычно славивший меня
Еще топтался на краю эстрады.
От дыма сизого и тусклого огня,
Мы все уйти, конечно, были рады.

Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преображен
Над нами лик жестокий и бескровный.

Люби меня, припоминай и плачь!
Все плачущие не равны ль пред Богом?

Мне снится, что меня ведет палач
По голубым дорогам.

16 ноября 1913

Поводом для написания стихотворения явилось, видимо, выступление Вольдемара Шилейко в «Бродячей Собаке». Говорил он, как всегда, очень умно, но затейливо и непонятно. Гумилев называл странную речь своего лучшего друга «высоким косноязычием» («Высокое косноязычие, тебе даруется, поэт»). Тем же высоким косноязычием отличалось и его поэтическое творчество. Вот как откликнулся Шилейко на первые посвященные ему стихи Анны Андреевны, взяв эпиграфом первую строку: «Косноязычно славивший меня...»:

Есть вера духа жадная, простая,
И верность сердца, взявшего свое,
Они вдвоем в другое бытие
Уводят мир, пути переплетая.

Но я не знал ни той свободной веры,
Ни этой скудной мудрости сердец.
Изгнанник неба, огненный гордец,
Я – косный камень. Только камень серый...

Впрочем, были у Вольдемара Казимировича и другие стихи, которые трогали Ахматову:

Живу мучительно и трудно.
И устаю, и пью вино;
Но, посвящен судьбиной чудной,
Люблю сурово и давно.

8 ноября 1913

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.
Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

8 ноября 1913

Плотно сомкнуты губы сухие...

Плотно сомкнуты губы сухие,
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.

И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликуша без голоса билась,
Воздух силясь губами поймать.

А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного рая,
К потемневшей ступеньке приник.

Осень 1913

Высокие своды костела...

Высокие своды костела
Синей, чем небесная твердь...
Прости меня, мальчик веселый,
Что принесла тебе смерть —

За розы с площадки круглой,
За глупые письма твои,
За то, что, дерзкий и смуглый,
Мутно бледнел от любви.

Я думала: ты нарочно —
Как взрослые хочешь быть.
Я думала: томно-порочных
Нельзя, как невест, любить.

Но все оказалось напрасно.
Когда пришли холода,
Следил ты уже бесстрастно
За мной везде и всегда,

Как будто копил приметы
Моей нелюбви. Прости!
Зачем ты принял обеты
Страдальческого пути?

И смерть к тебе руки простерла...
Скажи, что было потом?
Я не знала, как хрупко горло
Под синим воротником.

Прости меня, мальчик веселый,
Совенок замученный мой!
Сегодня мне из костела
Так трудно уйти домой.

*Ноябрь 1913
Царское Село*

Иллюстрация к стихотворению «Высокие своды костела...». Художник А. Кумирова.

Считается, что стихотворение «Высокие своды костела...» посвящено памяти Михаила Линдеберга, молодого офицера, застрелившегося 23 декабря 1911 года. Ахматова убедила себя, что виновна в этой катастрофе: знала, что юноша влюблен в нее, но, по легкомыслию молодости, не сделала ничего, чтобы предотвратить развязку.

Но, думается, не только этот трагический случай лег в основу стихотворения.

В 1908 году Анна Горенко и Николай Гумилев расстались, как им казалось, навсегда. Николай Степанович вернулся в Париж, Анна уехала в Севастополь. Там и получила известие из Парижа: Коля пытался покончить с собой, врачи борются за его жизнь, но положение серьезное. Успокаивающая телеграмма пришла лишь через несколько дней... Этот случай конспективно отражен в ахматовских «Записных книжках»:

...Рассказ Толстого о самоубийстве в 1908 г. я знаю очень давно. Толстой подтвердил его в Ташкенте (1942). Эту историю знает и М. Зенкевич. Telegramme: «Viverai toujours». (Получила в Севастополе, Малая Морская», дом Мартино.)

Гибель юного поклонника не могла не вернуть Анну в те трагические дни 1908 года, когда она, получив телеграмму о попытке Гумилева покончить с собой, почти неделю не знала, выживет ли ее Николай.

О том, что Линдеберг не является единственным героем этого стихотворения, свидетельствует несколько деталей. Во-первых, героиня оплакивает бедного влюбленного в костеле, тогда как Михаил был лютеранином и похоронен в лютеранской части Волкова кладбища. Зато Гумилев восхищался католической храмовой архитектурой и в Италии, и в Польше, научил и Анну понимать ее высокую красоту. Кроме того, обращаясь мысленно к самоубийце, Ахматова называет его «веселым мальчиком». Между тем те же самые

слова уже год как произнесены и подарены Гумилеву (которому она чуть было не принесла смерть!) – в поэтическом воспоминании об их первой встрече в Царском Селе: «Эти липы, верно, не забыли нашей встречи, мальчик мой веселый».

И вряд ли это небрежность или забывчивость: Анна Андреевна верила в судьбоносность «странных сближений», в мистику роковых совпадений. А здесь и впрямь было что-то и мистическое и роковое. Аня Горенко и Коля Гумилев познакомились 24 декабря 1903 года. Почти в тот же самый день календаря – 23 декабря – застрелился Михаил Линдеберг. По воле рока – две незабвенные даты совпали, слились в одно поэтическое переживание. Предположение (адресат стихотворения «Высокие своды костела...» – не только Линдеберг, но и Гумилев) подтверждает и такая подробность. Ахматова пишет: «Я не знала, как хрупко горло под синим воротником». Синий воротник – тоже гумилевская примета. Когда Анна и Николай в 1909 году, после его парижской попытки «самоубийства», снова встретились, он был уже студентом Петербургского университета и носил форменный мундир с высоким синим воротником!»¹⁸

---

¹⁸ См. в воспоминаниях С. К. Маковского: «Он (Н. Гумилев в 1909 году. – **Ред.**) был в форме: в длинном студенческом сюртуке, «в талию», с высоким темно-синим воротником по моде того времени».

Не будем пить из одного стакана...

Не будем пить из одного стакана
Ни воду мы, ни сладкое вино,
Не поцелуемся мы утром рано,
А ввечеру не поглядим в окно.
Ты дышишь солнцем, я дышу луною,
Но живы мы любовью одною.

Со мной всегда мой верный, нежный друг,
С тобой твоя веселая подруга.
Но мне понятен серых глаз испуг,
И ты виновник моего недуга.
Коротких мы не учащаем встреч.
Так наш покой нам суждено беречь.

Лишь голос твой поет в моих стихах,
В твоих стихах мое дыхание веет,
О, есть костер, которого не смеет
Коснуться ни забвение, ни страх.
И если б знал ты, как сейчас мне любы
Твои сухие, розовые губы!

Ноябрь 1913

За узором дымных стекол...

За узором дымных стекол
Хвойный лес под снегом бел.
Отчего мой ясный сокол
Не простившись улетел?

Слушаю людские речи.
Говорят, что ты колдун.
Стал мне узок с нашей встречи
Голубой шушун.

А дорога до погоста
Во сто раз длинней,
Чем тогда, когда я просто
Шла бродить по ней.

Ноябрь? 1913

Ты знаешь, я томлюсь в неволе...

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти Господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

*Осень 1913
Слепнево*

Вместо мудрости – опытность, пресное...

В. С. Срезневской

Вместо мудрости – опытность, пресное,
Неутоляющее питье.
А юность была – как молитва воскресная...
Мне ли забыть ее?

Столько дорог пустынных исхожено
С тем, кто мне не был мил,
Сколько поклонов в церкви положено
За того, кто меня полюбил...

Стала забывчивей всех забывчивых,
Тихо плывут года.
Губ нецелованных, глаз не улыбчивых
Мне не вернуть никогда.

*Осень 1913 года
Царское Село*

В то время я гостила на земле...

В то время я гостила на земле.
Мне дали имя при крещении – Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха.
Так дивно знала я земную радость
И праздников считала не двенадцать,
А столько, сколько было дней в году.
Я, тайному велению покорна,
Товарища свободного избрав,
Любила только солнце и деревья.
Однажды поздним летом иностранку
Я встретила в лукавый час зари,
И вместе мы купались в теплом море.
Ее одежда странной мне казалась,
Еще страннее – губы, а слова —
Как звезды падали сентябрьской ночью.
И стройная меня учила плавать,
Одной рукой поддерживая тело
Неопытное на тугих волнах.
И часто, стоя в голубой воде,
Она со мной неспешно говорила,
И мне казалось, что вершины леса
Слегка шумят, или хрустит песок,
Иль голосом серебряным волынка
Вдали поет о вечере разлук.
Но слов ее я помнить не могла
И часто ночью с болью просыпалась.
Мне чудился полуоткрытый рот,
Ее глаза и гладкая прическа.
Как вестника небесного молила
Я девушку печальную тогда:
«Скажи, скажи, зачем угасла память,
И, так томительно лаская слух,
Ты отняла блаженство повторенья?...»
И только раз, когда я виноград
В плетеную корзинку собирала,
А смуглая сидела на траве,
Глаза закрыв и распутивши косы,
И томною была и утомленной
От запаха тяжелых синих ягод
И пряного дыханья дикой мяты, —
Она слова чудесные вложила
В сокровищницу памяти моей,
И, полную корзину уронив,
Припала я к земле сухой и душевной,
Как к милому, когда поет любовь.

Осень 1913

Настоящую нежность не спутаешь...

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.
И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

*Декабрь 1913
Царское Село*

Я с тобой не стану пить вино...

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.
Знаю я – у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас – тишь да гладь,
Божья благодать.
А у нас – светлых глаз
Нет приказу подымать.

Декабрь 1913

И жар по вечерам, и утром вялость...

И жар по вечерам, и утром вялость,
И губ потрескавшихся вкус кровавый.
Так вот она – последняя усталость,
Так вот оно – преддверье царства славы.

Гляжу весь день из круглого окошка:
Белеет потеплевшая ограда,
И лебедю заросла дорожка,
А мне б идти по ней – такая радость.

Чтобы песок хрустел и лапы елок —
И черные и влажные – шуршали,
Чтоб месяца бесформенный осколок
Опять увидеть в голубом канале.

Декабрь 1913

9 декабря 1913

Самые темные дни в году
Светлыми стать должны.
Я для сравнения слов не найду —
Как губы твои нежны.

Только глаза подымать не смей,
Жизнь мою храня.
Первых фиалок они светлей,
А смертельные для меня.

Вот поняла, что не надо слов,
Оснеженные ветки легки...
Сети уже разостлал птицелов
На берегу реки.

*Декабрь 1913
Царское Село*

Твой белый дом и тихий сад оставлю...

Твой белый дом и тихий сад оставлю.
Да будет жизнь пустынна и светла.
Тебя, тебя в моих стихах прослаблю,
Как женщина прославить не могла.
И ты подругу помнишь дорогую
В тобою созданном для глаз ее раю,
А я товаром редкостным торгую -
Твою любовь и нежность продаю.

Зима 1913

Царское Село

О, это был прохладный день...

О, это был прохладный день
В чудесном городе Петровом!
Лежал закат костром багровым,
И медленно густела тень.

Пусть он не хочет глаз моих,
Пророческих и неизменных.
Всю жизнь ловить он будет стих,
Молитву губ моих надменных.

*Зима 1913
Царское Село*

Я так молилась...

Я так молилась: «Утоли
Глухую жажду песнопенья!»
Но нет земному от земли
И не было освобожденья.

Как дым от жертвы, что не мог
Взлететь к престолу Сил и Славы,
А только стелется у ног,
Молитвенно целуя травы, —

Так я, Господь, простерта ниц:
Коснется ли огонь небесный
Моих сомкнувшихся ресниц
И немоты моей чудесной?

*Зима 1913
Царское Село*

Родилась я ни поздно, ни рано...

Родилась я ни поздно, ни рано,
Это время блаженно одно,
Только сердцу прожить без обмана
Было Господом не дано.

Оттого и темно в светлице,
Оттого и друзьям мои,
Как вечерние грустные птицы,
О небывшей поют любви.

1913

Проводила друга до передней...

Проводила друга до передней.
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово —
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо.

1913

Царское Село

Цветов и неживых вещей...

Цветов и неживых вещей
Приятен запах в этом доме.
У грядок груды овощей
Лежат, пестры, на черноземе.

Еще струится холодок,
Но с парников снята рогожа.
Там есть прудок, такой прудок,
Где тина на парчу похожа.

А мальчик мне сказал, боясь,
Совсем взволнованно и тихо,
Что там живет большой карась
И с ним большая карасиха.

1913

Каждый день по-новому тревожен...

Каждый день по-новому тревожен,
Все сильнее запах спелой ржи.
Если ты к ногам моим положен,
Ласковый, лежи.

Иволги кричат в широких кленах,
Их ничем до ночи не унять.
Любо мне от глаз твоих зеленых
Ос веселых отгонять.

На дороге бубенец зазвякал —
Памятен нам этот легкий звук.
Я спою тебе, чтоб ты не плакал,
Песенку о вечере разлук.

1913

Исаакиевский собор.

Стихи о Петербурге

1

Вновь Исакий в облаченье
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпенье
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С черных труб сметаёт гарь...
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

2

Сердце бьется ровно, мерно,
Что мне долгие года!
Ведь под аркой на Галерной
Наши тени навсегда.

Сквозь опущенные веки
Вижу, вижу, ты со мной,
И в руке твоей навеки
Нераскрытый веер мой.

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, —

Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена.

Ты свободен, я свободна,
Завтра лучше, чем вчера, —

Над Невою темноводной,
Под улыбкою холодной
Императора Петра.

1913

О тебе вспоминаю я редко...

О тебе вспоминаю я редко
И твоей не пленяюсь судьбой,
Но с души не стирается метка
Незначительной встречи с тобой.

Красный дом твой нарочно миную,
Красный дом твой над мутной рекой,
Но я знаю, что горько волную
Твой пронизанный солнцем покой.

Пусть не ты над моими устами
Наклонялся, моля о любви,
Пусть не ты золотыми стихами
Обессмертил томленья мои —

Я над будущим тайно колдую,
Если вечер совсем голубой,
И предчувствую встречу вторую,
Неизбежную встречу с тобой.

1913

Как страшно изменилось тело...

Как страшно изменилось тело,
Как рот измученный поблек!
Я смерти не такой хотела,
Не этот назначала срок.
Казалось мне, что туча с тучей
Сшибется где-то в вышине
И молнии огонь летучий,
И голос радости могучей,
Как Ангелы, сойдут ко мне.

1913

На шее мелких четок ряд...

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И не похожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913

*Когда вышли ахматовские «Четки», собравшие под своей обложкой стихи 1912–1914 гг., читатели, а особенно читательницы, стали гадать, кто же тот счастливец, к кому обращены любовные послания дамы в лиловеющих шелках. Тем, кто задавал этот вопрос лично ей, Анна Андреевна отвечала: **многим**. И по всей вероятности, не лукавила. У нее в те годы действительно было **много** увлечений, да и в нее **многие** влюблялись: художник Сергей Судейкин, поэт и критик Николай Недоброво, граф Зубов. Нет, нет, она вовсе не считала, как некоторые поэты серебряного века, что и жизнь, и слезы, и любовь – всего лишь средство для ярко-певучих стихов. Однако уже догадалась: чем больше она, на опыте своего сердца, узнает о том, **что происходит между мужчиной и женщиной, когда они любят друг друга**, тем лучше становятся ее стихи. Эту тайну («разгадку жизни моей») Анна никому не открывала, но Николай Недоброво, друг и возлюбленный, поэт и критик, загадку разгадал. В 1915-м он подарил Ахматовой такие стихи:*

Как ты звучишь в ответ на все сердца,
Ты душами, раскрывши губы, дышишь,
Ты, в приближение каждого лица,
В своей крови свирелье пенье слышишь!

Анна Ахматова и Михаил Лозинский на заседании «Цеха поэтов». Карандашный рисунок С. Городецкого. 1913 г.

Вспоминая юную Ахматову, Георгий Адамович писал:

«Позднее в ее наружности отчетливее обозначился оттенок трагический: Рашель в «Федре», как в известном восьмистишии сказал Осип Мандельштам после одного из чтений в «Бродячей Собаке», когда она, стоя на эстраде, со своей «ложноклассической», «спавшей с плеч» шалью, казалось, облагораживала и возвышала все, что было вокруг. Но первое мое впечатление было иное. Анна Андреевна почти непрерывно улыбалась, усмехалась, весело и лукаво перешептывалась с Михаилом Леонидовичем Лозинским, который, по-видимому, наставительно уговаривал ее держаться серьезнее, как подобает известной поэтессе, и внимательнее слушать стихи. На минуту-другую она умолкала, а потом снова принималась шутить и что-то нашептывать.

Правда, когда наконец попросили прочесть что-нибудь, она сразу изменилась, как будто даже побледнела: в «насмешнице» в «царскосельской веселой грешнице» – как Ахматова на склоне лет сама себя охарактеризовала в «Реквиеме» – мелькнула будущая Федра. Но ненадолго. При выходе из семинария меня ей представили. Анна Андреевна сказала: «Простите, я, кажется, всем вам мешала сегодня слушать чтение. Меня скоро перестанут сюда пускать...» – и, обернувшись к Лозинскому, опять рассмеялась».

Г. Адамович. «Мои встречи с Ахматовой»

ТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ СИЛУЭТ

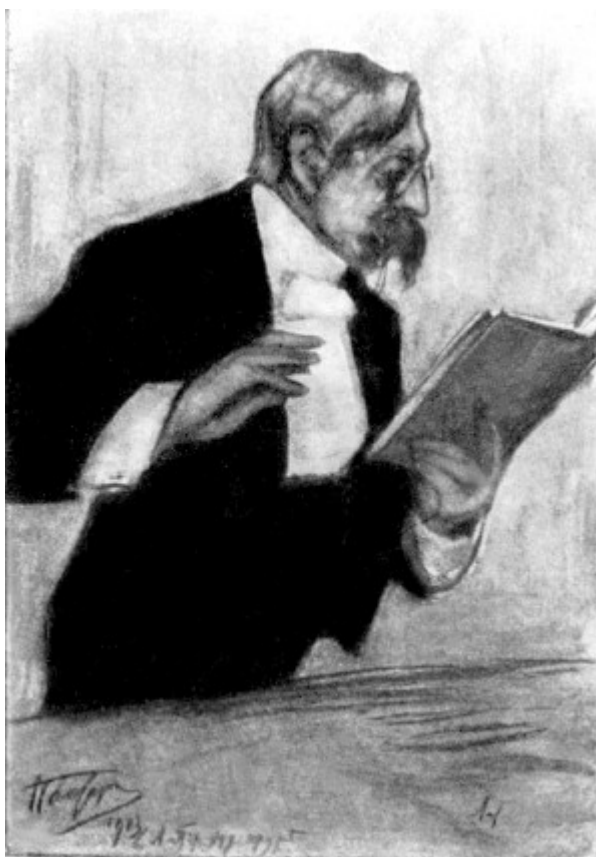
Анна Ахматова. Начало 20-х годов.

В трагическую осень 1913 года в жизни Анны Ахматовой произошло знаменательное событие. Александр Блок, с которым она была шапочно знакома уже два года, наконец-то выделил ее из стайки влюбленных в него молодых поэтесс. Анна Андреевна очень волновалась. И у нее были на то причины.

Когда в 1911 году в журнале «Аполлон» опубликовали ее стихотворение «Сероглазый король», не только читающая публика, но даже мать Блока решила, что стихи – признание в любви королю русской поэзии серебряного века. Это было вполне в духе времени. Подобный воздушный роман (по аналогии с воздушным поцелуем) пережила, например, в ранней юности подруга Ахматовой знаменитая актриса Фаина Раневская. Вот как она вспоминала свою романтическую влюбленность в Василия Ивановича Качалова в опубликованном посмертно «Дневнике на клочках»:

«Родилась я в конце прошлого века, когда в моде еще были обмороки. Мне очень нравилось падать в обморок, к тому же я никогда не расшибалась, стараясь падать грациозно... В тот день я шла по Столешникову переулку, разглядывала витрины роскошных магазинов и рядом с собой слышала голос человека, в которого была влюблена до одурения. Собирала его фотографии, писала ему письма, никогда их не отправляя. Поджидала у ворот его дома... Услышав его голос, упала в обморок. Неудачно. Сильно расшиблась. Меня приволокли в кондитерскую, рядом. Она и теперь существует. А тогда принадлежала француженке с фран-

цузом. Сердобольные супруги влили мне в рот крепчайший ром, от которого я сразу пришла в себя и тут же снова упала в обморок, так как этот голос прозвучал вновь, справляясь, не очень ли я расшиблась».

Эмиль Верхари. Портрет работы Л. О. Пастернака.

Судя по письмам к С. Штейну, в гимназические годы Аня Горенко, как и киевская ее кузина Мария Александровна Змунчила, испытывала заочную нежность к автору «Стихов о Прекрасной Даме». А вот с живым Блоком у Анны Андреевны Гумилевой отношения были крайне сложными, может быть, куда более сложными, чем те, что описаны Ахматовой в кратком очерке «Воспоминания об Александре Блоке». Этот текст Ахматова постоянно дополняла, уточняла, варьировала, а суть дополнений выразила в «Записных книжках» в такой формуле: «Написать «Воспоминания» о Блоке, который все предчувствовал и ничего не почувствовал».

* * *

В Петербурге осенью 1913 года, в день чествования в каком-то ресторане приехавшего в Россию Верхарна, на Бестужевских курсах был большой закрытый (то есть только для курсисток) вечер. Кому-то из устроительниц пришло в голову пригласить меня. Мне предстояло чествовать Верхарна, которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение «На деревянном мостике у края света».

Но я представила себе пышное петербургское ресторанный чествование, почему-то всегда похожее на поминки, фраки, хорошее шампанское, и плохой французский язык, и тосты – и предпочла курсисток.

На этот вечер приехали и дамы-патронессы, посвятившие свою жизнь борьбе за равноправие женщин. Одна из них, писательница Ариадна Владимировна Тыркова-Вергежская, знавшая меня с детства, сказала после моего выступления: «Вот Аничка для себя добила равноправия».

В артистической я встретила Блока...

Я спросила его, почему он не на чествовании Верхарна.

Поэт ответил с подкупающим прямодушием: «Оттого, что там будут просить выступать, а я не умею говорить по-французски».

К нам подошла курсистка со списком и сказала, что мое выступление после блоковского. Я взмолилась: «Александр Александрович, я не могу читать после вас». Он – с упреком – в ответ: «Анна Андреевна, мы не тенора». В это время он уже был известнейшим поэтом России. Я уже два года довольно часто читала мои стихи в Цехе поэтов, и в Обществе Ревнителей Художественного Слова, и на Башне Вячеслава Иванова, но здесь все было совершенно по-другому.

Насколько скрывает человека сцена, настолько его беспощадно обнажает эстрада. Эстрада что-то вроде плахи. Может быть, тогда я почувствовала это в первый раз. Все присутствующие начинают казаться выступающему какой-то многоголовой гидрой. Владеть залой очень трудно – гением этого дела был Зощенко. Хорош на эстраде был и Пастернак.

Меня никто не знал, и, когда я вышла, раздался возглас: «Кто это?» Блок посоветовал мне прочесть «Все мы бражники здесь». Я стала отказываться: «Когда я читаю «Я надела узкую юбку», – смеются». Он ответил: «Когда я читаю «И пьяницы с глазами кроликов», – тоже смеются».

Кажется, не там, но на каком-то литературном вечере Блок прослушал Игоря Северянина, вернулся в артистическую и сказал: «У него жирный адвокатский голос».

В одно из последних воскресений тринадцатого года я принесла Блоку его книги, чтобы он их надписал. На каждой он написал просто: «Ахматовой – Блок». (Вот «Стихи о Прекрасной Даме».) А на третьем томе поэт написал посвященный мне мадригал: «Красота страшна, вам скажут...» У меня никогда не было испанской шали, в которой я там изображена, но в это время Блок бредил Кармен и испанизировал и меня. Я и красной розы, разумеется, никогда в волосах не носила. Не случайно это стихотворение написано испанской строфой романсеро. И в последнюю нашу встречу за кулисами Большого драматического театра весной 1921 года Блок подошел и спросил меня: «А где испанская шаль?» Это последние слова, которые я слышала от него.

Анна Ахматова.

Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

Блоковский поэтический портрет Ахматовой в испанской шали и в самом деле похож на эскиз театрального костюма, однако одну важную и, видимо, бросающуюся в глаза особенность ее поведения – сочетание внешней декоративности облика и внутренней простоты – Блок все-таки подметил:

«Красота страшна», – Вам скажут —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.
«Красота проста», – Вам скажут —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.

И рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:
«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

Получив бандероль с подписанными сборниками и испанским мадригалом, Ахматова не без труда (с эпистолярной прозой у нее были весьма натянутые отношения) подобрала приличные случаю слова искренней благодарности.

А. А. Ахматова – А. А. Блоку

6 или 7 января 1914. Петербург

Знаете, Александр Александрович, я только вчера получила Ваши книги. Вы спутали номер квартиры, и они пролежали все это время у кого-то, кто с ними расстался с большим трудом. А я скучала без Ваших стихов.

Вы очень добрый, что надписали мне так много книг, а за стихи я Вам глубоко и навсегда благодарна. Я им ужасно радуюсь, а это удастся мне реже всего в жизни.

Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное, и хочу для Вас радости. (Только не от него, конечно. Видите, я не умею писать, как хочу.)

Анна Ахматова

К письму были приложены стихи, в которых Анна Андреевна описывает свой воскресный визит к Блоку 15 декабря 1913 года.

Я пришла к поэту в гости...

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен;
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Дом Блока в Петербурге, тот самый, у «Морских ворот Невы», который показался Анне Андреевне не только строгим, но и высоким.

Лирический дуэт Поэта и Поэтессы был вскоре, по инициативе Блока, опубликован в журнале «Любовь к трем апельсинам».

В том же январе был написан и еще один поэтический портрет хозяина просторной комнаты. Однако публиковать его Ахматова не стала. Ни при его жизни, ни при своей.

Александр Блок. Портрет работы К. Сомова. 1907 г.

Ты первый, ставший у источника...

Ал. Блоку

Ты первый, ставший у источника
С улыбкой мертвой и сухой ¹⁹.

Как нас измучил взор пустой,
Твой взор тяжелый – полунощника.
Но годы страшные пройдут,
Ты скоро снова будешь молод,
И сохраним мы тайный холод
Тебе отсчитанных минут.

1914?

Кабинет А. Блока.

---

¹⁹ Сухую и мертвую улыбку Блока отметил и Сергей Дурылин, известный литературовед и талантливый мемуарист: Блока я видел однажды. В изд-ве «Мусагет», на ритме. Он сел у письменного стола и промолчал весь вечер. Лицо его было маска – казалась она какою-то известковою, тяжелою, навсегда прилипшею к лицу. Маска была красна и корява. Над нею был кудрявящийся вал волос. Я никогда ни у кого не видал такого застывшего, омаскировавшегося, картонного лица. Было нестерпимо жутко на него смотреть. Глядя на этот личный картон, пропитанный клеем и белилами и смазанный румянами, я понял, почему он написал «Балаганчик». Даже снег – буйный, чистый – дал ему только «снежную маску». А за маской, должно быть, больно, всегда больно, неизлечимо больно. Она ведь не дает жить и дышать живому телу лица. С. Дурылин. Из книги «В своем углу».

«Тихо в комнате пустынной...»

Впрочем, и Блок не ограничился открыто преподнесенным святочным подарком. 15 декабря 1913 года сразу же после ухода Анны Андреевны были созданы такие стихи:

О, нет! Не расколдуешь сердца ты...

О, нет! Не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Все призрак, все мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Все будет сном: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена красивыми мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украшишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день и в день сороковой —
Неузнанной, красивой, неживою.
Такой ведь ты искала? – Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снами, сказками не теми...
И ты простой возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.
И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя вина.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
Ему расскажет, что пришел недуг.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг очнешься: пусто, нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,

Припомнишь ты и призовешь – меня.

Как иступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в стихах моих тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

По-видимому, Блок эти стихи забраковал, видимо, как слишком интимные, и сделал другой «подарочный» вариант, сугубо светский. Знаменитый мадригал окончен 16 декабря.

В марте 1914 года, как только вышли «Четки», Анна Андреевна немедленно отослала их Блоку. С такой дарственной: «От тебя приходила ко мне тревога и умение писать стихи». Блок к «Четкам» отнесся прохладно, стихи показались ему, при всей их талантливости, слишком женскими. Однако открыто, в глаза говорить такое ему не хотелось, и он уклонился от встречи. Так и не добившись серьезного разговора, Ахматова уехала из Петербурга к родным под Киев.

* * *

...Летом 1914 года я была у мамы в Дарнице, под Киевом. В начале июля я поехала к себе домой в деревню Слепнево, через Москву. В Москве сажусь в первый попавшийся почтовый поезд. Курю на открытой площадке. Где-то, у какой-то пустой платформы, паровоз тормозит, бросают мешок с письмами. Перед моим изумленным взором неожиданно вырастает Блок. Я вскрикиваю: Александр Александрович!» Он оглядывается и, так как он был не только великим поэтом, но и мастером тактичных вопросов, спрашивает: «С кем вы едете?» Я успеваю ответить: «Одна». Поезд трогается.

Сегодня, через 51 год, открываю «Записную книжку» Блока и под 9 июля 1914 года читаю: «Мы с мамой ездили осматривать санаторию за Подсолнечной. – Меня бес дразнит. – Анна Ахматова в почтовом поезде».

Анна Ахматова.

Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

После этой чудесной встречи в ахматовской «Блокиане» появились патетические стихи, которые Ахматова также никогда не отдавала в печать:

И в Киевском храме Премудрости Бога...

И в Киевском храме Премудрости Бога,
Припав к солее, я тебе поклялась,
Что будет моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.

То слышали ангелы золотые
И в белом гробу Ярослав.
Как голуби, выются слова простые
И ныне у солнечных глав.

И если слабею, мне снится икона
И девять ступенек на ней.
И в голосе строгом софийского звона
Мне слышится голос тревоги твоей.

Июль 1914

Петербург. Царскосельский вокзал. 1910 г.

А потом была еще одна странная встреча, уже во время войны:

Мы втроем (Блок, Гумилев и я) обедаем (5 августа 1914 г.) на Царскосельском вокзале в первые дни войны (Гумилев уже в солдатской форме). Блок в это время ходит по

семьям мобилизованных для оказания им помощи. Когда мы остались вдвоем, Коля сказал: «Неужели и его пошлют на фронт? Ведь это то же самое, что жарить соловьев».

Анна Ахматова.

Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

В последующие годы Ахматова и Блок практически не пересекались, а если и сталкивались, то случайно. Там и тогда, где все и всегда встречались. Про одну случайную встречу вспоминала Анна Андреевна:

А. Блок и К. Чуковский на вечере в Большом драматическом театре. Фотография М. Наппельбаума. 25 апреля 1921 г.

...И снова я уже после Революции (21 января 1919 г.) встречаю в театральной столовой исхудалого Блока с сумасшедшими глазами, и он говорит мне: «Здесь все встречаются, как на том свете».

Анна Ахматова.

Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

Вторую зафиксировал Корней Иванович Чуковский в «Дневнике» в 1920 году; запись от 30 марта:

Мы встретили ее и Шилейку, когда шли с Блоком и Замятиным из «Всемирной». Первый раз вижу их обоих вместе... Замечательно – у Блока лицо непроницаемое – и только движется, все время зыблется, «реагирует» что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа возле носа и рта. И у Ахматовой то же. Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но *там* было высказано много.

И Гумилев, и многие литераторы из окружения Ахматовой осуждали Блока за поэму «Двенадцать». Ахматова молчала, но и не возражала осуждавшим: музыка, которую слышал Блок в революционном вихре, представлялась ей какофонией. К тому же почти все

послереволюционные годы он активно занимался тем, что позднее назовут общественной деятельностью, а она забилась в угол, ушла в себя.

Однако на знаменитом последнем в Петербурге вечере Блока она была. Вечер вел Корней Чуковский.

Известие о смерти Блока застало Анну Андреевну врасплох.

* * *

...Мы пошли к Ремизовым передать рукописные книги Скалдина (Ольга и я). Не достучались. Через несколько часов там уже была засада – они накануне бежали за границу. На обратном пути во дворце Фонтанки, 18 встретили Тамару Персиц. Она плакала – умер Блок.

В гробу лежал человек, которого я никогда не видела. Мне сказали, что это Блок. Над ним стоял солдат – старик седой, лысый, с безумными глазами. Я спросила: «Кто это?» – «Андрей Белый». Панихида. Ершovy (соседи) рассказывали, что он от боли кричал так, что прохожие останавливались под окнами.

Хоронил его весь город, весь тогдашний Петербург или вернее то, что от него осталось. Справлявшие на кладбище престольный праздник туземцы непрерывно спрашивали нас: «Кого хороните?»

В церкви на заупокойной обедне было теснее, чем бывает у Пасхальной заутрени. И непрерывно все (было) происходило, как в стихах Блока. Это тогда все заметили и потом часто вспоминали.

Finis.

Анна Ахматова.

Из «Записных книжек»

Смерть Блока не только ошеломила Ахматову, она словно бы стерла с лица поэта случайные черты. Обратите внимание на дату стихотворения: 16 августа – это девятины: Александр Блок умер 7 августа 1921 года. Может быть, это и простое совпадение, но случилось именно так, как он – ей предсказал: «И тень моя пройдет перед тобою /В девятый день и в день сороковой – /Неузнанной, красивой...»

Не чудо ли, что знали мы его...

Не чудо ли, что знали мы его,
Был скуп на похвалы, но чужд хулы и гнева,
И Пресвятая охраняла Дева
Прекрасного Поэта своего.

16 августа 1921

Петербург

А. А. Блок. 1900-е годы. Рисунок неизвестного художника.

А через четверть века все в том же Драматическом театре – вечер памяти Блока (1946 г.), и я читаю только что написанные мною стихи:

Он прав – опять фонарь, аптека...

Он прав – опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

Анна Ахматова.

Из «Воспоминаний об Александре Блоке»

Стихотворение «Он прав – опять фонарь, аптека...» – первая часть посвященного Блоку триптиха. «Пора забыть верблюжий этот гам...» – вторая; «И в памяти черной пошарив, найдешь...» – третья.

Пора забыть верблюжий этот гам...

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет. Все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока.

(1944 – 1950)

И в памяти черной пошарив, найдешь...

И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

1960

Заключительной главой ахматовской «Блокианы» стал портрет человека-эпохи в окончательной редакции «Поэмы без героя»:

На стене его твердый профиль...

На стене его твердый профиль.
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом —
Все — таинственно в прищелце.

«Поэма без героя». 1962

ДУМАЛИ: НИЩИЕ МЫ...

Анна Ахматова. 1915 г.

В сущности никто не знает, в какую эпоху он живет. Так и мы не знали в начале десятых годов, что жили накануне первой европейской войны и Октябрьской революции.

Анна Ахматова.

Из «Записных книжек»

Гость

Все как раньше: в окна столовой
Бьется мелкий метельный снег,
И сама я не стала новой,
А ко мне приходил человек.

Я спросила: «Чего же ты хочешь?»
Он сказал: «Быть с тобой в аду».
Я смеялась: «Ах, напророчишь
Нам обоим, пожалуй, беду».

Но, поднявши руку сухую,
Он слегка потрогал цветы:
«Расскажи, как тебя целуют,
Расскажи, как целуешь ты».

И глаза, глядевшие тускло,
Не сводил с моего кольца.
Ни один не двинулся мускул
Просветленно-злого лица.

О, я знаю, его отрада —
Напряженно и страстно знать,
Что ему ничего не надо,
Что мне не в чем ему отказать.

1 января 1914

Анна Ахматова. Худ. Д. Бушен. 1914 г.

Пустые белы святки.
Мети, метель, мети.
Пусть дороги гладки, —
Мне не к кому идти!

7 – 19 января 1914

Углем наметил на левом боку...

Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять,
Чтоб выпустить птицу – мою тоску
В пустынную ночь опять.

Милый! Не дрогнет твоя рука,
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица – моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.

Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно, сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму», —
И опустил глаза.

*31 января 1914
Петербург*

После ветра и мороза было...

После ветра и мороза было
Любо мне погреться у огня.
Там за сердцем я не уследила,
И его украли у меня.

Новогодний праздник длится пышно,
Влажны стебли новогодних роз,
А в груди моей уже не слышно
Трепетания стрекоз.

Ах! не трудно угадать мне вора,
Я его узнала по глазам.
Только страшно так, что скоро, скоро
Он вернет свою добычу сам.

Январь 1914

Смеркается, и в небе темно-синем...

Смеркается, и в небе темно-синем,
Где так недавно храм Ерусалимский
Таинственным сиял великолепьем,
Лишь две звезды над путаницей веток,
И снег летит откуда-то не сверху,
А словно подымается с земли,
Ленивый, ласковый и осторожный.
Мне странною в тот день была прогулка.
Когда я вышла, ослепил меня
Прозрачный отблеск на вещах и лицах,
Как будто всюду лепестки лежали
Тех желто-розовых некрупных роз,
Название которых я забыла.
Безветренный, сухой, морозный воздух
Так каждый звук лелеял и хранил,
Что мнилось мне: молчанья не бывает.
И на мосту, сквозь ржавые перила
Просовывая руки в рукавичках,
Кормили дети пестрых жадных уток,
Что кувыркались в проруби чернильной.
И я подумала: не может быть,
Чтоб я когда-нибудь забыла это.
И если трудный путь мне предстоит,
Вот легкий груз, который мне под силу
С собою взять, чтоб в старости, в болезни,
Быть может, в нищете – припоминать
Закат неистовый, и полноту
Душевных сил, и прелесть милой жизни.

1914 – 1916 – Июнь 1940

В последний раз мы встретились тогда...

В последний раз мы встретились тогда
На набережной, где всегда встречались.
Была в Неве высокая вода,
И наводнения в городе боялись.

Он говорил о лете и о том,
Что быть поэтом женщине – нелепость.
Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! —

Затем что воздух был совсем не наш
А как подарок Божий, – так чудесен.
И в этот час была мне отдана
Последняя из всех безумных песен.

Январь 1914

Как ты можешь смотреть на Неву...

Как ты можешь смотреть на Неву,
Как ты смеешь всходить на мосты?
Я недаром печальной слыву
С той поры, как привиделся ты.
Черных ангелов крылья остры,
Скоро будет последний суд.
И малиновые костры,
Словно розы, в снегу цветут.

*Начало 1914 года
Петербург*

Разлука

Вечерний и наклонный
Передо мною путь.
Вчера еще, влюбленный,
Молил: «Не позабудь».
А нынче только ветры
Да крики пастухов,
Взволнованные кедры
У чистых родников.

Февраль 1914

Чернеет дорога приморского сада...

Чернеет дорога приморского сада,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.